

НЕСТРАШНЫЙ ЛЕС

ПРОЛЁТ ФАНТАЗИИ

ART

**Сергей Королёв
Кира Эхова
Андрей Зимний
Денис Рязанов
Константин Пимешков
Алексей Провоторов
Константин Фишкин
Анастасия Марченко
Сергей Герасимов**
**HeСТРАШНЫЙ лес.
Пролёт Фантазии**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28067212
ISBN 9785449008046*

Аннотация

Рассказы, в которых одним, или даже самым главным, героем является ЛЕС – со всеми его тайнами, красотой, мрачностью, со всем удивительным, неизведанным. Населенный существами, о которых читатель слышал, а может и нет. Может, даже и не хотел бы слышать, но лес, вот он – за порогом...

Содержание

Чувство долга	8
Белая Инн	44
Вода живая, вода мёртвая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	98

НеСТРАШНЫЙ лес

Пролёт Фантазии

Авторы: Провоторов Алексей, Зимний Андрей, Эхова Кира, Герасимов Сергей, Пимешков Константин, Королёв Сергей, Рязанов Денис, Фишкин Константин, Марченко Анастасия

Редактор Светлана Баженова

Дизайнер обложки Алексей Провоторов

Редактор Вячеслав Кутепов

Редактор Рикардо Дель Тави

Иллюстратор София Зорская

Иллюстратор Валентин Тюстин

Иллюстратор Александр Павлов

Иллюстратор Алексей Криворучко

Иллюстратор Тимур Попов

Иллюстратор Ирина Советова

Иллюстратор Людмила Коновалова

Иллюстратор Сергей Захаров

Иллюстратор Адам Шерман

Иллюстратор Александра Городецкая

Иллюстратор Зинаида Гаврилова

Иллюстратор Маргарита Чурушкина

- © Алексей Провоторов, 2018
- © Андрей Зимний, 2018
- © Кира Эхова, 2018
- © Сергей Герасимов, 2018
- © Константин Пимешков, 2018
- © Сергей Королёв, 2018
- © Денис Рязанов, 2018
- © Константин Фишкин, 2018
- © Анастасия Марченко, 2018
- © Алексей Провоторов, дизайн обложки, 2018
- © София Зорская, иллюстрации, 2018
- © Валентин Тюстин, иллюстрации, 2018
- © Александр Павлов, иллюстрации, 2018
- © Алексей Криворучко, иллюстрации, 2018
- © Тимур Попов, иллюстрации, 2018
- © Ирина Советова, иллюстрации, 2018
- © Людмила Коновалова, иллюстрации, 2018
- © Сергей Захаров, иллюстрации, 2018
- © Адам Шерман, иллюстрации, 2018
- © Александра Городецкая, иллюстрации, 2018
- © Зинаида Гаврилова, иллюстрации, 2018
- © Маргарита Чурушкина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-0804-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы, в которых одним, или даже самым главным героем является ЛЕС – со всеми его тайнами, красотой, мрачностью, со всем удивительным, неизведанным. Населенный существами, о которых читатель слышал, а может и нет. Может даже и не хотел бы слышать, но лес, вот он – за порогом...

В первый сборник серии «НеСТРАШНЫЙ мир» включены рассказы участников Международного литературного конкурса «Пролёт Фантазии» и иллюстрации художников, принимающих участие в международном конкурсе иллюстраций «Штрихи Пролёта».

Международный литературный конкурс «Пролёт Фанта-

зии» проводится с 2008 года, дважды в год, весной и осенью. За это время тысячи участников из 22 стран, пишущих на русском языке, прислали свои работы на суд жюри и читателей.

Благодаря Алексею Горшкову, основателю и руководителю конкурса, его площадка стала для кого-то школой на писательском поприще, для кого-то местом для общения среди единомышленников, для кого-то стартом в мир издания, и абсолютно для всех – возможностью найти своего читателя.

Наш адрес: fancon.ru

Чувство долга

Алексей Провоторов

Усталость догоняла меня, догоняла, и настигла, когда до моста оставалась всего миля. Я остановил лошадь у полосатого дорожного столба и, обернувшись, молча взирал на причину моей усталости. На ней была белая фарфоровая маска и алый корсет с золотой шнуровкой. Низкое солнце укоризненно смотрело мне в затылок, Липа смирно переступала с ноги на ногу. Мы с ней и не пытались сопротивляться.

Беллатристе подъехала ближе, на своём чёрном тяжёлом коне, и, как всегда, я ничего не увидел в прорезях белого фарфора. Иногда я сомневался, что у неё вообще есть глаза.

Верёвка на шее, грязная от долгого ношения, вроде и не давила, но дышать стало почти невозможно. Она безмерно надоела мне за всё это время. Но мост оставался так же недостижим, как если бы до него была тысяча миль, а не одна.

– Ты не сможешь убежать, пока не вернёшь долг, – сказала Беллатристе своим бесцветным, шелестящим голосом. Я представил почему-то, что за маской действительно нет ни глаз, ни лица, только фарфоровый пыльный лабиринт, в котором ветер рождает звуки, похожие на человеческую речь.

Будь неладен тот час, когда я задолжал тебе, Беллатристе.

– Я хотел попробовать, – ответил я. – В этот раз мне удалось забраться дальше.

Слова давались мне с трудом, руки ослабли, слюна сделалась холодной и вязкой.

– Отдай долг и езжай хоть на полюс. Это просто.

– Будь это просто, я не пробовал бы сбежать, – ответил я. – Хватит, Трис. Я уже понял.

Я знал, что она терпеть не могла тех, кто называл её коротко. И никогда не отказывал себе в этом маленьком воздаянии.

Беллатристе кивнула, сделала какое-то движение пальцами, и я вдохнул полнее. Покальывающая волна нехотя расползалась по телу, свежая, но неприятная, как грязноватый паводок после дождя. Успокоилась дрожь, а после второго вдоха и вовсе прошла.

Усталость отступила. Но в любой момент Беллатристе могла снова показать свою власть.

– Трис, я же правильно понял? – спросил я.

Пустой взгляд и лаконичный кивок. Конечно, правильно. Я нервно сжал пальцы.

– А может, есть какой-то другой способ? Что угодно, Трис, только не это. Я не хочу приближаться к Шиверу.

– Хочешь, – сказала она, медленно, со скрипом перчатки, потирая большой палец руки об указательный. Верёвка, абсолютно неподвижная, каким-то образом снова перехватила мне дыхание, и ком в горле моментально вернулся. Кулак

мой разжался, и руки бессильно повисли плетьюми.

Всего миля оставалась до моста. Одна короткая миля, чтобы у меня появился шанс снять верёвку. Не вышло.

Беллатристе молча смотрела на меня. Матовые отблески застыли на её неподвижной маске.

Я отдам тебе долг, подумал я. Только бы больше никогда тебя не видеть.

– Хочу, – сказал я коротко. – Я поеду, Трис. Шивера я по крайней мере не знаю, а тебя я уже не могу видеть. Извини.

Она снова кивнула, согласно и неторопливо.

Я отвернулся, выплюнул тягучий комок, чувствуя покалывание в оживающих конечностях. Как вышло, в тысячный раз спросил я себя, что я позволил сделать со мной такое?

Ответ получился бы долгим, да и ничего бы не изменил.

– Шивер скоро проедет по Сизому тракту. Если ты перестанешь тратить время на побегушки, – Трис говорила ровно, тихо, наклонив почему-то голову, – то сможешь с ним повидаться. У него есть шанс вернуть свой долг, а у тебя – свой. И все вы будете довольны.

Иллюстрация Александра Павлова

– А почему ты сама не можешь забрать у него долг? Ты или твои с-с-с-сёстры?

– Я уже говорила.

– Может быть. На ходу и жуя пирожок. Честно говоря, я

ничего не понял. Ладно, про пирожок я пошутил. Он не пролезет в ту прорезь.

– Ты удивился бы... Впрочем, ладно. – Беллатристе повернула ко мне лицо – девичье фарфоровое лицо, – и я поёжился.

– Этот долг не может быть отдан из рук в руки. А у Шивера слишком много гордости, чтобы прислать с ним кого-то. Он первым делать шаг не будет. На нём ведь нет долговой верёвки, как на тебе. Если тебе удастся убедить его вернуть долг, то я засчитаю тебе твой. Вот и всё.

– А что он тебе должен?

– Не мне. Нам.

– Вам. И?

Беллатристе никак не отреагировала.

– Деньги? Алмазы? Клюв грифона? Кровь одноногого единорога, пролитуую в полнолуние за обеденным столом?

Ответом снова была тишина. Чёрный конь Беллатристе размеренно бухал копытами, Липа смирно шагала рядом. Приближался Сизый тракт.

Я помолчал, потом продолжил, потому что от вида молчащей Беллатристе мне делалось не по себе.

– Я полгода работал у тебя сборщиком податей. Меня ненавидит уже вся округа. А теперь мне нужно ещё и выбивать долги у бешеного некроманта, – сказал я, надеясь услышать про Шивера хоть что-то сверх того, что я о нём знал.

– Шивер не некромант, – сказала Беллатристе, снова гля-

дя перед собой. – Он нечто другое.

– А в подробностях? – спросил я. – Не будь туманна, как ярмарочный провидец.

– Он может оживлять неживые вещи по подобию живых существ. Если у него есть какие-то части этих существ.

Я приготовился было слушать дальше, но на этом Беллатристе опять замолчала. Я пожал плечами.

– Не вижу разницы, – сказал я. – Мне он всё рано не нравится.

– Хватит, – бесцветным тоном сказала Беллатристе. – Мы уже всё обсудили.

Я закусил губу и замолчал.

Наконец, когда дорога повернула к лесу и упёрлась в брусчатый тракт, Беллатристе остановила своего коня и небрежно указала мне на дальний лес. Её чёрные, волнистые волосы матово блеснули под светом проглянувшего солнца, но блеск их даже сейчас казался холодным.

За лесом, синие сквозь толщу воздуха, высились косые скалы предгорий Ташира, а над ними, подсвеченная закатом, висела, словно сама по себе, невысокая вершина ближней горы. Из тех мест в леса иногда забредали странные звери, которых давным-давно больше нигде нельзя было повстречать.

Я поехал вперёд, не остановившись и не обернувшись. Лес за трактом уже не принадлежал сёстрам Ранд, но бежать в ту сторону не было смысла – Беллатристе, как всегда, почувствует возросшее расстояние между ней и её проклятой ве-

рѳвкой и быстро прекратит мои попытки. А реки в той стороне не было.

Я собирался подождать Шивера в предлесьях. Спустя четверть часа я остановил Липу меж желтеющих осин и серебристых тополей, растущих по сторонам от дороги. Спешившись, я проверил зачем-то, как вынимается клинок из ножен. У меня был простой меч, не имеющий имени, и я никогда не управлялся с ним слишком уж хорошо.

А вот Шивер, если верить слухам, своим владел безупречно.

Долго стоять мне не пришлось. В тишине, нарушаемой только шумом ослабевшего ветра, слышался стук копыт, пока ещё далѳкий. Я замер, ожидая, и чем ближе он становился, тем меньше мне нравился.

Он был странный, какой-то тихий, хромой. Я вслушивался, пытаюсь понять, что меня так настораживает в нём. Казалось, что это не топот конских копыт, а поступь какого-то гораздо более лёгкого животного. Или механизма – стук был настолько выверенным, мерным и ровным, что, наверное, мог ввести всадника в транс. На три слабых удара приходился один совсем глухой короткий стучащий звук. Мне почему-то представилась испортая, выпотрошенная лошадь с пустыми побелевшими глазами, одна нога которой была обглодана до кости, и буйнопомешанный белолицый некромант в бесформенном чёрном плаще, с глазами такими же мѳртвыми, как и у лошади. Меня пробрала жуть.

Но прежде чем я успел об этом задуматься, я увидел и коня, и всадника, въехавших под сень рощи, и оторопел.

Шивер был высок, худ и беловолос. Он ехал верхом на подобии коня, скрученном из линялых, бело-золотистых соломенных жгутов, перевязанных пеньковыми верёвками. В соломенные манжеты трёх ног были вставлены настоящие конские кости, кости ног с копытами, и только вместо задней левой была привязана простая, расщепившаяся уже, палка.

Мотнув головой, я выбрался на дорогу, глубоко вдохнул и положил руку на рукоять меча, как будто он мог мне помочь.

– Шивер! – позвал я. – Остановись, я от Беллатристе Ранд!

Соломенный конь, гротескный, но самый настоящий, остановился в трёх шагах от нас с Липой.

Всадник смотрел на меня, молча, и крошечные зрачки его белых выцветших глаз пульсировали в такт ударам сердца.

– Ранд... – сказал он наконец, приоткрыв тёмный рот. – А, ты и сам, я вижу, ей должен! – Он указал корявой длиннопалой рукой на верёвку на моей шее. Голос у него отчего-то был радостный.

– Поэтому я и здесь, – буркнул я. Никакого выпотрошенного коня не оказалось, и я почувствовал себя чуть увереннее. – Беллатристе сказала, что ты можешь отдать мне то, что должен, и на том быть свободен.

– Вон оно как, – сказал он, помолчав. – Отдать тебе...

– Ага, – подтвердил я. Моя уверенность в том, что он ни-

чего не собирается мне отдавать, почему-то крепла.

– Тебе – не могу. Так что отдам кому-нибудь другому, – заявил колдун и радостно засмеялся, словно какой-то забавной шутке.

И его соломенный конь, стоявший, как огородное пугало, поднял ногу.

– Стой, – испуганно окликнул его я. – Почему?

– Это долго. Понимаешь, – сказал он, – За мной гонится Данце, а все знают, что он наёмник не из простых. Я бежал так, что загнал коня. В Блоерде я выгадал немного времени, чтобы сплести себе нового. По счастью, я отобрал три мосла у стаи собак. Четвёртый они мне не отдали, да и собак не удалось раздобыть, – он противно ухмыльнулся, – но коня я, как видишь, сделать успел. Мне нужно спешить. А отдать то, что я должен – не так-то быстро.

– Э нет, – ответил я. – Это мой последний шанс расплатиться с Ранд. Если надо, я задержу Данце, но долг ты отдашь сейчас.

Шивер рассмеялся скачущим, неровным смехом. Зрачки его немигающих глаз продолжали мерно пульсировать.

– А как ты умудрился влезть в долги к Беллатристе? Сам или купил?

– Купил, – буркнул я.

– Вот что, парень, – сказал Шивер. – Данце ты не удержишь и на секунду, и ничего я тебе не отдам. Когда он настигнет меня, у меня будет, что ему предложить.

– Я тебя не отпускаю, – сказал я, свирепея и теряя остатки осторожности.

– Ну тогда лови, – ответил он, пожав узкими плечами, и его соломенный конь без предупреждения сорвался в галоп.

Липа попятилась и заржала, и, выругавшись, я пустил её в погоню за Шивером.

Лес, тёмный, отороченный ржавой позолотой осенней опушки, вырастал впереди. Мы приближались к съезду, ведущему с тракта в чашу, и я не удивился, когда далеко впереди меня Шивер свернул именно туда.

Ветер с запахом дыма шумел в верхних ветвях. Сизые тени выстилали низины, багровая листва дождём падала вниз, летела в лицо, ложилась под копыта Липы. Только мы набирали хорошую скорость, как нужно было сбрасывать её на изгибах узкой дороги, и всё чаще Липе приходилось шагом переступать узловатые корни, заплетавшие землю. Я потерял Шивера из вида – его коню было всё равно, он ведь не рисковал сломать свои обглоданные ноги. Видно, колдун решил скрыться от Данце в лесу. Хотя для него, с его конём, это казалось несколько странным.

Впрочем, меня больше занимало то, что я буду с ним делать, когда – или если – его настигну. Ответов не было. Была только усталая злость, и злился я в основном на себя, за то, что ввязался в эту бесконечную историю. Больше всего удручало, что я, в общем, не был ничего должен сёстрам Ранд

лично. Долг Беллатристе – как метка, как переходящий стяг. Как лот на аукционе. И я купил его по собственной воле, так что некого было винить, хотя и хотелось.

...Вскоре я понял, что Липа шагает уже медленнее, чем шёл бы я, и спешился.

– Выбирайся обратно, девочка, – сказал я Липе и хлопнул её по крупу. – Теперь моя очередь.

Она была умной лошадью, и я знал, что она подождёт меня у опушки. Так что я отвернулся и побежал. Сначала медленно, а потом всё скорее и скорее.

Я бежал так быстро, как только мог бежать по лесу, перепрыгивая корни, взрывая лежалые многолетние листья, наклонив голову и прикрываясь рукой от яростно хлеставших веток.

Через какое-то время дышал я уже открытым ртом, проглатывая куски бесполезного воздуха, в боку начало колоть, сначала короткой тупой иглой, а потом длинным шилом, мышцы ног сводило. Но я бежал, потому что видел следы Шивера. Растрепавшуюся солому, которую терял его конь, пробираясь сквозь заросли.

А потом я увидел самого коня. Упавший на бок, брошенный, он большой игрушкой лежал поперёк тропы. Над его ногами уже вились какие-то мошки.

Я перебрался через него и пошёл дальше. Шивер просто должен уделить мне время после такой упорной погони, думал я. Просто должен. А если не уделит, тогда я достану свой

меч и набьюсь на драку. И будь что будет. Я был слишком зол, чтобы думать о последствиях.

Шивер совершил ошибку, оставив коня. Дороги здесь больше не было, но и такого бурелома, какой остался позади – тоже. Начинался ровный, просторный лес с высокими старыми деревьями, а впереди видна была освещённая солнцем поляна.

Бересклет и терновник перекрывали мне путь, и я прошёл чуть вправо, отыскивая проход. Тихо-тихо, потому что на поляне кто-то был.

Обнаружив просвет, я вдохнул поглубже и выломился на простор из кустарника, обнажив меч.

Поляна была невелика, и у дальнего её края девушка, собиравшая дрова, замерла и оглянулась на меня.

Она была темноволоса, волосы до плеч, а её рука лежала на рукояти большого ножа в ножнах у пояса.

– Хенн! – воскликнул я, опуская меч.

– Джером, – сказала она, медленно разжимая пальцы и вставая с колен. – Вот уж кого не думала тут увидеть. – Она улыбнулась.

Я поморщился. В её обществе я всегда чувствовал себя неловко.

– А я тут дрова собираю. Моя сторожка недалеко. Зайдешь в гости?

– Нет уж, спасибо, – сказал я.

Она посерьезнела.

– Почему ты всегда такой мрачный, Джером? – спросила она.

– Не всегда, – ответил я.

– Да я знаю. Это только когда я с тобой разговариваю.

Я отмахнулся от её слов, пряча клинок в ножны.

– Хенн, здесь никто не проходил? – спросил я. Голос после гонки был хриплым.

– Проходил, – ответила она, внимательно глядя на меня большими серыми глазами. Это была крупная, рослая девушка с округлыми чертами. Губы и глаза у неё были чем-то подведены даже в лесу. Я не ожидал её тут встретить, но почему-то отчасти был даже рад. Впрочем, ничего удивительного в том, что она была здесь, я и не находил – охотники тут не были редкостью.

Собственно, в её занятии и крылись истоки моего к ней отношения – мне претили её жизнерадостные рассказы о том, как она завалила лося ради рогов, как охотилась на тощих, едва вернувшихся по весне гусей или натаскивала собаку на пёстрых диких утятах. Я никогда не говорил ей, что мне неприятны её разговоры, но давал это понять достаточно прозрачно.

– Ты его видела? – Спросил я.

– Только мельком, но я слегка понервничала. А кто это?

– Это некромант Шивер, – сказал я. – И он мне нужен.

– Шивер? – глаза её округлились. – Тот самый?..

– Да. Разоритель Кимангару, чернокнижник, неплатель-

щик налогов и разбойник в розыске. Всё как полагается.

– Ого. – Хенн настороженно оглянулась. – А ты что здесь делаешь и зачем он тебе?

– Пошли, расскажу. Куда он, говоришь, пошёл? – переспросил я, стараясь отдышаться. Мне тяжело было продолжать погоню, но очень, очень хотелось его настичь. Я был взвинчен и не хотел думать о том, что в схватке он, скорее всего, меня одолеет.

– Пойдём, – сказала девушка. – Вообще-то он двигался в сторону сторожки. Я рада, что ты меня проводишь.

Я забрал у Хенн дрова, и мы покинули поляну. Она указывала мне путь.

– ...Однажды, когда я нуждался в деньгах – а ты знаешь, такое со мной бывает достаточно часто, – один человек предложил мне купить у него долг. То есть он давал мне деньги, но за это я должен был выполнить его долговое обязательство перед ведьмами Ранд.

– Они вроде бы не ведьмы, – сказала Хенн, – а колдуньи.

– Да неважно. Важно то, что без применения магии эту проклятую долговую верёвку нельзя снять. Её можно только продать кому-то другому. Но я не могу даже попробовать, сёстры не отпускают меня далеко.

– А тот парень, что её тебе продал? Он же как-то от них выбрался?

– Да, он сбежал через реку. Но снять верёвку не смог. Впрочем, достаточно было того, что он нашёл, кому её про-

дать. Беллатристе Ранд явилась вскоре, и я не успел добраться до... так сказать, человека, который снял бы верёвку за очень умеренную плату. Я надеялся на него и проиграл. Всё из-за нехватки времени.

– А при чём здесь Шивер?

Вдали застрекотала сорока, очень, очень далеко впереди. Мы замерли, прислушиваясь, но она вскоре затихла.

– По иронии, – сказал я, – моя обязанность у Ранд – собирать долги. Налоги, займы, и всё такое прочее. Шивер им должен.

– Я так поняла, что возвращать долг он не спешит.

– Да, он спешит в другую сторону, – ответил я и замолчал.

Хенн молчать долго не могла. Спустя полсотни шагов она опять начала разговоры про охоту.

– Тут хоть самой в долги залазь. Надо себе хороших собак. Не одну, а три... На птицу натренировать, и, кстати, две хороших собаки могут держать кабана на растяжке, можно подойти и просто ножом его зарезать...

Я не перебивал Хенн, и она вошла во вкус, продолжая описывать свои охотничьи мечты и воспоминания. Я надеялся, что она замолчит, если не поддерживать разговор, но она почему-то всегда любила болтать в моём присутствии.

– ...О, однажды мы тут на кабанов охотились! Я, Кресса, Сивальд, брехло ещё... Ну, ты его не знаешь... Стадо было голов двадцать! Мы тогда всех положили, тут от крови мокро было, как на болоте, честное слово...

– Хенн, – не выдержал я. – Избавь меня от подробностей.

Я не люблю охотников, ты знаешь.

Хенн, увлечённая своим рассказом, как раз остановилась перевести дух, и при моих словах глаза её как-то потухли.

– Извини, Джером, – сказала она.

– Ну правда, Хенн.

– Почему ты всегда зовёшь меня по фамилии? Ты не помнишь, как меня зовут?

– Помню, Ида. Мне так привычнее.

Хенн шмыгнула носом и замолчала. Наконец-то, подумал я.

Впереди снова затрещала сорока. Явно заметила кого-то. Дубы вокруг поредели, стали ниже, но раскидистее. Закатное солнце сквозь тучи окрасило медью полнеба.

Хенн, видимо, быстро надоело молчать, и она негромко спросила:

– А ты не боишься его? Он же жуткий тип. Я старалась не шевелиться, когда его заметила.

– Ты ещё его коня не видела, – ответил я. – Он умеет оживить лошадь, имея от неё только ноги.

Хенн резко остановилась.

– Что такое? – спросил я, глядя в её озадаченное лицо. – Что?

– Джером, – сказала Хенн. – Мне это не нравится. Он идёт в ту сторону, а у меня там два чучела, и они полностью готовы.

Меня передёрнуло. Она вдобавок и чучелами занимается, подумал я. Не хватало ещё, чтобы Шивер выпустил нам на встречу какого-нибудь волка с песчаным нутром.

– Не скажу, что рад. Это хищники?

– Всеядные, – буркнула Хенн. – Кабан, вот только закончила, и... второе...

Сорока затрещала впереди ещё раз, на таком же расстоянии. Значит, нам стоило идти быстрее. Если, конечно, птица ругалась на Шивера, а не на какое-нибудь зверьё.

– Ладно, – сказал я. – Будем надеяться, он твой шалаш не найдёт.

Мы ускорили шаг. Мне совсем не нравился такой поворот событий. Несколько потусторонняя природа происходящего, видно, не давала покоя и Хенн.

– Ты когда-нибудь пересекался с чем-то таким? Страшным? – спросила она, глядя вдаль по лесной дороге. Тихо тянущий ветер доносил до нас горький запах осенней листвы, дыма и сухой травы.

– Да, – ответил я, вспоминая.

...Это были дикие леса, где ясными ночами седые призрачные псы, видимые только в лунном свете, рыскали между замшелыми стволами, и я пробирался через эти места, ибо ничего другого мне тогда не оставалось.

Перед самым закатом я увидел девушку. Она лежала, согнув спину, на боку, на поваленном стволе. Худая и черно-волосая, она то ли спала, то ли ей было плохо. Я шагнул к ней

и окликнул.

Она начала оборачиваться, и прилипшие к стволу волосы потянулись клейкими нитями, а выпирающие позвонки стали раскладываться с влажными щелчками. Она оборотила ко мне длинную белую морду, высокая, безглазая, с шевелящимися отростками вместо ногтей, и я, ошпаренный ужасом, попятился и побежал...

– Да, – повторил я, и добавил, не желая вдаваться в подробности. – Но я не знаю названия той твари.

– А я однажды повстречала Долгую Ведьму, – сказала Хенн.

– Ого, – сказал я, помолчав. – И как?

– Когда смотришь на неё, она кажется небольшой, сухонькой, но ты понимаешь, что у человека не бывает таких пропорций. А когда оборачиваешься, убегая, то она огромна.

Я присвистнул.

Мы вышли из-за поворота, и увидели, что на дороге стоит кабан.

В первую секунду Хенн не испугалась, потому что по привычке увидела в нём добычу.

Потом она поняла, что это такое на самом деле.

Я рванулся влево, она вправо, выхватывая нож.

Иллюстрация Тимура Попова

Тяжёлая туша ринулась вперёд, хруст пересохших сухожилий потонул в треске ломаемого сухостоя. Он двигался

так же быстро, как живой. На мгновение я ясно увидел крутой бок, покрытый тусклой безжизненной щетиной, время словно споткнулось, и тут же снова понеслось вскачь.

Хенн отскочила спиной к дубу, но забраться на него не успевала. Она присела, делая выпад ножом, кабан обогнул её по дуге и с сильным заносом обежал дерево. Я припал к земле перед прыжком вперёд.

Кабан был страшен. Застывшая в оскале огромная харя не шевелилась, и теперь казалось странным, что мы даже на мгновение могли принять его за живое существо. Он не дышал, двигая лишь ногами, и это странное зрелище, сродни механическому театру, гипнотизировало. Длинное горбатое рыло, низкий лоб, тёмная сухая пасть – это было обличье мертвеца. Когда сражаешься с животным, то сталкиваешься с его яростью, эмоциями, понимаешь его действия. Это же была просто машина, движимая какой-то потусторонней мощью, и нам оставалось только погибнуть либо уничтожить это.

Тускло блеснули стеклянные шарики, вставленные вместо глаз. Кабан рванул к Хенн, а я – к нему, оттолкнувшись ногами изо всех сил и выдирая клинок из ножен.

Я опоздал на полсекунды. Кабан пригнул голову, нырнув под нож Хенн. Она вонзила его ему в бок, не выпуская из руки, и лезвие с треском пропоролло длинную борозду в шкуре. С ужасающей стремительностью кабан скользнул позади Хенн, походя разорвав ей клыком артерию под правым ко-

леном.

Кровь хлынула багровым фонтаном, Хенн надломилась, как скошенная трава, и выпустив бесполезный нож, упала в листья.

Он развернулся ко мне в тот момент, когда я с силой опустил клинок, разрубая ему шею прямо за ухом.

Я выдернул меч из пустой раны прежде, чем он повернулся ко мне, и ударил изо всех сил, развалив рыло надвое.

Он прыгнул на меня, и я упал, пропуская его над собой. На меня падал песок. Я перебил ему ногу в прыжке, и, когда он приземлился, я перевернулся и глубоким выпадом подсёк ему заднюю.

Кабан завалился на бок – перебитые ноги просто не держали.

Он пытался подняться, молча, не издавая никакого звука, кроме шороха сминаемых листьев, и не смог. Я отрубил ему ещё одну ногу, просто так, на всякий случай, и он замер. Не умер – умер он уже давно – а просто перестал двигаться, превратившись в испорченное чучело. Мне сделалось как-то до тошноты жутко, когда я подумал, что он снова может начать шевелиться в любой момент.

Я отвернулся от него и бросился к Хенн.

Она пыталась сесть, оперевшись локтем о землю, стараясь зажать рваную рану непослушными пальцами. Кровь уже не хлестала, но продолжала обильно течь. Я бросил меч, схватил её нож и разрезал штанину, отхватив нижний кусок.

Затем я перетянул её бледное, окровавленное бедро выше раны, так туго, как смог. Я ничего не смыслил в ранениях, понимал только, что ей сейчас плохо. Она вся была бледной, белизной лица почти сравнявшись с масками проклятых Ранд. Тёплый металлический запах крови стоял над поляной. Листья под Хенн покрыла глянцевая красная плёнка.

Я поднял её и прислонил спиной к стволу. Пот выступил на её висках и над верхней губой, глаза подрагивали под опущенными веками.

– Джером, – позвала она тихо.

– Что, Хенн? Сиди тихо, сейчас я...

– Джером. – Хенн подняла руку, взяла меня за затылок перепачканными пальцами, оставляя кровь на моих волосах. – У меня там чучело медведя. И если... Мы отсюда не выйдем.

– Какого медведя? – спросил я, холодея.

– Пещерного.

Я сжал зубы. Когда Шивер оживит медведя, то получит боевую машину более страшную, чем медведь живой.

Конечно, он вооружался не против меня. «Когда Данце настигнет меня, у меня будет, что ему предложить». Я просто не вовремя попал между молотом и наковальней, и теперь за меня расплачивалась Хенн.

– Возьми мою сумку. – Хенн облизнула губы, её начала колотить мелкая дрожь, щёки пошли пятнами, словно её кто-то держал за лицо безжалостными холодными пальцами.

– Хенн, мы успеем. Я подниму тебя на дере...

– Не перебивай меня, я и так плыву.

Я замолчал, слушая.

– У меня в сумке есть ламповое масло. И огниво есть. Он... Там не песок, опилки. Сожги его, Джером. Прости меня, это я виновата.

Рука её упала без сил, голова склонилась, закатились глаза, обнажив узкую полоску белка под опустившимися ресницами. Хенн потеряла сознание.

Я нашёл то, что мне было нужно, быстро, содрогаясь от каждого хруста в лесу за спиной, и, потратив минуту на поиски подходящей палки, соорудил жалкий факел из обрезков льняной штанины Хенн, пропитанных маслом. Трут, найденный в сумке вместе с огнивом, я примотал туда же, кресало и потёртый кусок кремня сунул в карман, и пошёл вперёд по дороге.

Я понимал, почему охотница тогда замяла разговор о втором чучеле. Пещерный медведь был редким зверем, из тех, что почти уже не ходят по земле, и охота на него не приветствовалась. Тем более она не хотела говорить мне. Я вспомнил, как одёрнул её, когда она заболталась, и мне стало не по себе. Теперь я не знал, услышу ли когда-нибудь ещё её голос.

Погода быстро портилась, со стороны тракта накатывала влажная мгла, поглотив заходящее солнце, приближая и без того скорые сумерки.

Не знаю, как Шивер нашёл сторожку Хенн, а я отыскал

её по следам мёртвого кабана. Узкое окно в ближней стене было распахнуто. Под навесом лежали дрова и стоял тяжёлый стол, на стене небольшого сарая висели какие-то сумки, в посыпанном солью буром пне косо торчал топор. Оборванная верёвка коновязи валялась на земле.

Ничего удивительного в том, что конь Хенн сорвался с привязи, я не видел. Я сам готов был бежать со всех ног.

Чучело пещерного медведя казалось огромным, как холм. Боги были мне свидетелями, он шёл на задних лапах. И был вдвое выше меня. Гигантская, чудовищная туша с мерной походкой голема.

Хенн, конечно, оставила все клыки и когти на месте. Медведь смотрел на меня тусклыми стёклами глаз. Его огромная голова весила, наверное, больше, чем весь я.

– Шивер! – заорал я. – Шивер, прекрати!

Шивер и не подумал прекращать. Он стоял, прислонившись к сторожке рядом с дверью, и жевал травинку, скрестив руки на груди.

Медведь упал на переднюю лапу, накрест ударив меня второй, и земля содрогнулась. Он был гораздо быстрее настоящего, живого пещерного медведя, увальня, любившего ягоды и рыбу.

Каким-то чудом я успел отскочить в сторону, футовые когти вспороли землю у моей ноги, второй удар я парировал клинком. Металл скрежетнул по кости, руку отшвырнуло в сторону, и мёртвый зверь прынул вперёд, разинув пасть.

Я выронил факел и сделал отчаянный выпад.

Лезвие пробило зверю нёбо, меня мотнуло, челюсть лязгнула, обрушившись на металл в дюйме от гарды. Меня спасло то, что мои пальцы не разжались, и удар не вывернул рукояти из рук. словно рыцарь, пронзённый копьём, я повис на собственном клинке, торчащем изо рта медведя.

Он дёрнул головой, ударяя меня о землю. Меч двинулся в пробоине, и я выдернул его, потянув запястье. Мне осталось только отступить, защищаясь.

Он ударил точно так же, как в первый раз, и я нанёс встречный удар в надежде отрубить ему когти.

Куда там! Они были едва ли не прочнее моего меча, который я еле удержал. Медведь не издавал ни звука, и мне стало страшно, как никогда раньше. Я слепо шарахнулся в сторону вдоль стены, и его пасть щёлкнула в каком-то дюйме.

Я увидел совсем близко свой факел. Наверное, в схватке кто-то из нас задел его, и он отлетел к стене. Я схватил его левой рукой и швырнул в окно, а потом сам бросился туда же.

Зашибив плечо, я прокатился по полу. Дом содрогнулся – медведь ударил в стену.

Я на коленях подполз к факелу, сунул левую руку в карман.

Новый удар сотряс сторожку, с треском и скрипом вылетела входная дверь, подались брёвна, и дом стал заваливаться. Чучело влезло в комнату, заполнив собой сразу весь её объём. Гигантская башка медленно тянулась ко мне, изо рта

сыпались опилки, пока крутые бока протискивались сквозь дверной проём, раздвигая брус.

Тогда я в отчаянии ударил куском кремня по кресалу. Тонкий сноп жёлтых искр брызнул на промасленную ткань факела, и она загорелась.

Медведь не остановился. Я отшвырнул камень и схватил факел, ткнув сначала в застывшую мохнатую морду с жуткими, алыми отражениями в маленьких глазках, а затем – в законопаченную мхом стену.

Тут постройка не выдержала, низкий потолок начал оседать, привалив зверя-мертвеца, с чердака посыпалась какая-то пересохшая солома. Я поджёг и её, и она сразу занялась, давая клубы густого жёлтого дыма.

Медведь попятился, и дом осел ещё больше, просто разваливаясь на части. Я бросился к окну и буквально выпал на сухую осеннюю траву.

Он вывалился наружу в дыму. Шерсть на лапах горела, в пасти, на просыпавшихся опилках, плясало пламя. Я рванулся к нему, полоснув мечом мохнатый бок, и ткнул в сухую, полную опилок рану пылающую головню факела.

Он горел быстро, очень быстро. Передние лапы, подожжённые ещё в доме, и так уже почти перегорели. Он упал на спину и принялся кататься по земле, пытаясь загасить огонь, но только сильнее запылало брюхо.

Я стоял и смотрел на этот погребальный костёр, навсегда упокоивший огромное, сильное животное. Собирался

дождь, и я надеялся избежать лесного пожара.

Первые капли упали передо мной, потом на мой разгорячённый лоб. Рука разжалась, изогнутый, потускневший, мой меч упал на ржавые листья. Я со стоном присел и поднял его. Он весил как целый мир.

Темнело, и я нигде не увидел Шивера. Впрочем, он уже не слишком заботил меня, мне нужно было вытаскивать Хенн. Липа оставалась на опушке, и у меня был маленький шанс добраться до неё. На то, что вернётся конь Хенн, надежды было и того меньше.

Но как только я сделал шаг к дороге, худая высокая тень отделилась от ствола ближней осины.

Усталость и злость одновременно сдавили мне горло, как проклятая верёвка.

– Шивер, – сказал я. – Уйди прочь.

– Ты гонялся за мной только для того, чтобы прогнать по-дальше? – Колдун положил руку на рукоять клинка, который носил у пояса, и двинулся ко мне. Я отступил на шаг, одновременно чувствуя спиной жар пламени и лицом – прохладный ветер наступающей ночи. Рыжие отсветы и синие тени делали черты его лица зыбкими и неуловимыми.

Дальше я отступать не стал.

– Там умирает Хенн. Помогите мне или дайте мне пройти.

– О, её так зовут? Дурочка, думала, что я не заметил её там, на поляне. Это её кабан постарался?

– Надеюсь, Данце снесёт тебе голову, – ответил я. – А те-

перь уйди.

– Извини, парень, – сказал Шивер. – Я немного приврал, когда сказал про Данце.

Я закусил губу.

– Так чего ты бежал, как от огня?

– Вообще-то мне сюда и нужно было, – сказал он. – Здесь вечно бродят охотники, а, как ты знаешь, куски животных мне очень подходят. А чучельница – вообще удача.

– Заткнись, – попросил я.

– Ну почему? Вполне справедливо, – сказал Шивер радостно. – Ей, значит, можно убивать кабана, а кабану её – нет?

– Это сделал не кабан, – ответил я, чувствуя, как мой голос дрожит от негодования. – Это сделал ты.

– Вас становилось как-то слишком много.

– А зачем ты соврал мне? Про Данце?

– Чтобы ты погнался за мной, – сказал Шивер. – Тракт – место проезжее. Нужно было заманить тебя сюда.

– Зачем?

Некромант улыбнулся.

– Ты понимаешь, что магия долга – сильная вещь. А сердце должника, парень, – очень сильный ингредиент. Сердце человека, на котором лежит бремя долга, добытое в уплату другого долга – ещё более сильный. К примеру, долговая верёвка, что у тебя на шее, не могла быть сделана без его применения.

Ощущение, похожее на удар грома – только полностью безмолвное – припечатало меня, обездвижило, зажало рот невидимой ладонью. Значит, Беллатристе отправила меня к Шиверу, как ягнёнка на заклание. Сердце должника, отданное в уплату долга... Вот почему она не могла взять этот долг своими руками: убей она меня или Шивера, она разрушила бы эту ужасную магию.

Получалось, что либо я уплачу свой долг, убив Шивера, либо он свой, убив меня. Беллатристе оставалась не в накладе – видимо, свою полезность у неё на службе я исчерпал.

Но вырезать сердце у Шивера я не собирался, да я и не знал про эту магию.

Значит, Беллатристе ставила не на меня.

Тварь.

– Молись, Шивер, – сказал я. – Кажется, у меня тоже есть шанс расплатиться.

– Если я начну молиться, – сказал он, – у тебя кровь пойдёт из ушей от тех имён, которые я назову.

Я поднял меч.

Шивер вытащил оружие. Простая чаша гарды из тёмного металла казалась очень глубокой – какая-то дыра в реальности, многомильная труба, из которой торчал игольно тонкий клинок, на конце, казалось, истаивающий в туман. Я не стал присматриваться.

Он атаковал, клинок со свистом рассёк воздух. Наваждение бездны спало, хотя тонкий шлейф тумана прочертил су-

мрак вслед за кончиком лезвия. Я парировал удар.

И следующий, и ещё один, и ещё. Его скорость меня пугала.

Я сражался с ним с таким ожесточением, что треугольники выщербленного металла кружили в воздухе, как стальная метель. Я не жалел меча. Мышцы горели, скользящие выпады Шивера пробивали пространство влево, вправо, вверх, вниз от моего тела, но целых полминуты я отбивал его удары, не позволяя лезвию коснуться меня.

Усталость, отвращение, страх и ярость слились в одно невыносимое ощущение. Искры летали в полумраке, скрипуче кричала проснувшаяся сова.

Но у меня почти не было сил. С ужасом я понял, что движения мои замедляются, и несколько секунд спустя он достал меня в первый раз. Я прикрылся левой рукой, и обжигающий удар рассёк мне запястье. Хлынула кровь, сразу и много.

Я отступил и пропустил укол в плечо. Мне показалось, что у меня кружится голова, но тут же я понял, что вижу какое-то движение в лесу.

Я отбил следующий удар – просто повезло – и краем глаза снова заметил тень позади него. Ни быструю ни медленную человеческую тень, приближавшуюся к нам.

Он ударил мимо моего клинка, и жгучая боль полоснула шею, с короткой вспышкой искр распалась угодившая под магический клинок долговая верёвка, кровь хлынула из ра-

ны, левая рука вдруг стала совсем горячей и неповоротливой, и я упал на колени.

Его меч взвился, норовя перебить мне горло, но тут какая-то сила рванула Шивера назад, так, что он перекатился через лопатки.

Тёмная тень, в плаще цвета сумерек, встала между мной и колдуном, в левой руке тени был зажат меч. Его лезвие метило Шиверу в шею.

Человек был высок и широкоплеч. В отсветах огня я не разглядел лица – только стальной клин маски с крестовидной прорезью. Это был охотник за головами.

– Данце? – изумлённо спросил Шивер. – Ты?..

– А что тебя удивляет? – без особого интереса спросил наёмник.

– Ты же сказал, что врёшь, – просипел я, поднимаясь на ноги. Голова кружилась, кровь текла из ран в четыре ручья.

На меня никто не обращал внимания.

– Ты сжёг весь урожай в Кимангару, шантажировал старосту Донжа, превратил стадо коз в каких-то тварей, зарубил охотника за наградой в Гелиголле, и вдобавок затеял массовую драку в Блоерде. И всё это с конца лета. Я молчу о том, что было до того. Ты в розыске с самого ледохода. Тебе странно, что я пришёл за тобой?

– А ведь логично... – сказал Шивер, поднимаясь на ноги. – Я так понимаю, меня ты не отпустишь?

– Конечно, нет. Я получил задаток.

– Тогда начали?

– Эй, – сказал я. – А как же я?

– А тебе-то что? Долга на тебе больше нет, скажи мне спасибо.

– Я бы сказал, но твой кабан ранил Хенн.

– Это её кабан. Пусть она с ним и разбирается.

Я замолчал, не зная, что ещё сказать. Перетянул кровотокащую руку бывшей долговой верёвкой, затягивая узел зубами. Ещё раз крикнула где-то сова.

Данце шагнул к некроманту, как-то легкомысленно помахая мечом. Шивер поднял свой.

Я не успел сделать и шагу, как Данце атаковал длинным выпадом, стремительней броска змеи, и Шивер почти отбил его своим лезвием. Мечи скрестились.

Дикий, короткий скрежет на секунду перекрыл скрипящий крик совы, клинок Данце с шипением скользнул вверх и вошёл Шиверу в глазницу. Данце рванул меч на себя, правой рукой нанеся сокрушительный встречный удар Шиверу в грудь.

Колдун упал, разбрызгивая кровь, и установилась тишина. Сова умолкла, и стих в верховьях крон беспокойный ветер.

– Ну и всё, – сказал буднично Данце, вытирая меч о штаны Шивера.

– Давай отсюда выбираться, – сказал я, глядя на тело.

Сердце второго должника перестало биться, но из моих рук Беллатристе его не получит, подумал я.

– Одну минутку.

Я понял, что он собирается делать – он всё-таки охотился за головами, – и отвёл глаза.

– Я пойду. Там девушка раненая.

– Да, я видел её, когда шёл сюда.

– Как она? – спросил я, нервничая.

– Да я не глянул, – ответил Данце, присев возле трупа.

– Помоги мне с ней, пожалуйста.

– Я, – сказал наёмник, не поднимая головы, – могу помочь кому-то только умереть. Тебя устроит?

Я отвернулся от него и ушёл. Дождь становился всё сильнее.

Я шагал, и тяжёлые капли тычками били в лицо. Долговая верёвка обычным жгутом перетягивала мне руку.

Путь назад занял на удивление мало времени. Я вышел на прогалину почти одновременно с тем, как с другой стороны поляны показался всадник.

Конь под ним был чёрен и растворялся в темноте. Я удивился, что кто-то смог приехать верхом с той стороны. Впрочем, когда я разглядел белое пятно на месте лица, моё удивление прошло. Это была Беллатристе Ранд, которая, наверное, почувствовала потерю своей верёвки. А у таких, как она, свои дороги.

Я подошёл к дубу. Пока меня не было, Хенн сползла

по стволу, изогнулась, уткнувшись головой в корень. Повязка и остатки штанин в равной степени пропитались кровью и казались чёрными в темноте.

Беллатристе молча подъехала с другой стороны.

Я присел, взял голову девушки в руки. Кожа её была холодной. Я никак не мог найти пульс на её шее, и, склонившись к ней, искал признаки жизни.

Она всё-таки дышала. Но очень слабо и редко.

– Что здесь произошло? – подала свой голос Беллатристе. – Как я вижу, ты не стал играть честно. Впрочем, Шивер, видно, тоже. Где он?

– Сдох, – ответил я.

– Закономерно, – согласилась колдунья.

Я судорожно вдохнул. И поднял лицо.

– Помоги ей, Беллатристе. Пожалуйста. – Я чувствовал себя безмерно уставшим и безо всякой верёвки. Начался настоящий дождь, синие лесные сумерки сгустились, нездоровый ответ пожара, который я видел на стволах, тускнел, темноту меж стволов затягивало белёсой дымной мглой. – Ты же можешь.

– Тогда она будет должна мне, Джером, – сказала Беллатристе, повернув ко мне маску. Она казалась призраком, и меня озноб продрал при взгляде на неё.

– Она будет должна мне. Больше, чем был должен мне ты.

– Она будет жить.

– Ида, – позвала Беллатристе. – Ты хочешь, чтобы я тебя

спасла? Если да, ты окажешь мне ответную услугу?

– Джером... – тихо и бессильно позвала меня Хенн. – Джером, милый, ты тут? Здесь призраки...

Моё сердце сжалось, волна прошла по нервам, и я почувствовал на мокром о дождя лице слёзы.

– Ради меня, Беллатристе. Я буду должен тебе, – сказал я. – И я согласен оказать тебе услугу.

Небеса молчали, роняя холодный дождь. На какое-то время замолчало всё и вся. Огонь за моей спиной ещё сопротивлялся воде.

Я почувствовал шаги – это подошёл Данце.

– Так вот что с Шивером, – сказала Беллатристе, ничуть не удивившись. – А за мою голову у тебя нет задатка?

– Нет.

Я стоял, не оборачиваясь. Мне хватало одной равнодушной маски перед глазами, и я не хотел видеть другую.

– Жаль, что ты мне ничего не должен, – сказала колдунья. – Впрочем, ты не мог бы принести мне сердце того парня, раз уж захватил себе голову?

– Я бросил тело в огонь, – ответил наёмник.

Колдунья промолчала, и я снова подал голос.

– Помоги ей, Беллатристе. Время уходит.

– О, – сказала она. – Это будет очень немалая услуга, Джером. Куда большая, чем в тот раз.

– Спаси её, – сказал я.

Она жестом показала на верёвку.

– Сначала спаси.

– У тебя нет выбора, Джером. Надевай, иначе я не поверю тебе.

– Вижу, у вас тут дела, – сказал Данце. – До встречи.

Я слышал, как он ушёл, его тихие шаги сразу потонули в шуме дождя. Я так и не взглянул на него.

Я развязал мокрую от крови верёвку и надел на шею. Беллатристе склонилась ко мне, и её маленькие руки затянули новый узел на месте разреза.

– За тобой долг, Джером.

– За мной долг, Беллатристе Ранд.

Проклятая петля снова, как сотню раз до того, сжала мне шею, практически её не касаясь.

Какое-то время я смотрел, как Беллатристе, спешившись, возилась возле Хенн. Долг, который лишь умножился после всех моих усилий, давил на горло. Дождь падал прямыми струями, последние отблески пожара таяли в темноте, и совсем скоро тёмная ночь окутала и меня, и охотницу, и колдунью.

Белая Инн

Андрей Зимний

1

Больше всего на свете маленькая Инн любила зимнюю рябину и Яра.

Яр подцепил заалевшую подкову щипцами, окунул в воду. К потолку взметнулся пар, в кузнице стало жарко-жарко.

Яр-жар, она его так и звала.

– Выйди на воздух, Беляночка, подыши, – сказал он, не глядя на Инн.

А вот он её звал так – Беляночкой. То ли за светлые-светлые волосы, то ли за то, что нашёл в снегу. Инн каждый раз млела, хоть и старалась не подавать виду. Его голос, низкий, раскатистый, всегда напоминал ей отдалённый гром.

Инн мотнула головой. Не из упрямства, а просто потому, что ей нравилось, когда жарко. С того самого зимнего дня, когда Яр вынес её из леса.

Инн не смогла бы рассказать, что случилось. Помнила только холод, и как ветер воет в ветвях ёлок. А потом – Яр несёт её к деревне, завернутую в его тулуп. От рубахи на плечах кузнеца, казавшихся необъятными, шёл пар. Инн тогда ещё удивилась, как кто-то может быть настолько тёплым в та-

кую стужу.

– Ну, раз не уходишь, давай помогай, – усмехнулся Яр и поманил к себе. – Полей-ка.

Инн подбежала, зачерпнула полный ковш воды, успевшей нагреться, плеснула на руки Яру. Он потёр лицо, затылок. Инн подала полотенце.

– Постирать пора. Давай я постираю? – робко предложила она.

Не сказать, чтобы Инн росла прилежной хозяйшккой. Родители её давно сгинули, и, сколько себя помнила, девочка жила в доме тётки.

Там её работой нагружали так, что если не лениться, то к вечеру пупок развяжется. Инн крутилась-крутилась перед тёткой, а стоило той отвернуться, как девочка сбегала в кухню.

Но для Яра она бы постирала. Для Яра она бы что угодно... Инн кашлянула, чтобы не дать этому признанию вылезти из горла.

– Да полно, и дома тебе забот хватает. Сам справлюсь, не привыкать.

– Вот жена была бы, не пришлось бы привыкать, – вкрадчиво сказала Инн. Она, конечно, знала, что бабам первым про свадьбу заговаривать негоже, но с Яром-то! Он поймёт, он плохого не подумает. А Инн уже почти взрослая. – Почему у тебя жены нет?

– Есть у меня уже одна девочка, за которой глаз да глаз, –

засмеялся Яр, опустил тяжёлую ладонь ей на макушку и рас­трепал волосы, с таким тщанием заплетённые в косы. – Куда мне ещё?

Инн быстро пригладила волосы. Она старалась выглядеть перед Яром красивой и взрослой, а не потешной малышнёй.

– Но жену же любят. Ты меня любишь?

– Ещё спрашиваешь, Беляночка, ещё спрашиваешь.

У Инн в груди забухало так, что чудо, как ещё рёбра не треснули. И ведь говорил он так ласково, что точно не врал! Вот тут-то она и поняла наконец, что и вправду может спросить у Яра то, о чём уже много месяцев думала. У Инн на глазах выступили слёзы, она прижалась к нему, обняла так крепко, как только смогла.

– Я тебя тоже люблю! Женись на мне!

И почувствовала, как вздрагивает его тело. Инн даже испугалась, что такое. Подняла глаза, а он смеётся!

Отсмеявшись, Яр отстранил её от себя, удерживая за плечи, встал на одно колено и заглянул прямо в глаза.

– Мала ты ещё, Белянка, о замужестве думать. Нос не дорос, – будто в подтверждение он обидно щёлкнул её по носу, а потом сказал серьёзно: – А когда дорастёт, сама поймёшь, что ни к чему тебе за старика выходить. Будет у тебя ещё женихов столько, что метлой отгонять придётся.

Инн как будто умерла: стояла и ни рук, ни ног не чувствовала. Она так долго хотела Яру признаться, так тяжело ей дались эти слова, а он посмеялся. Она набрала воздуха в грудь,

чтобы сказать, что не нужны ей те женихи, что хоть и маленькая, а любит его сильнее любой взрослой, что никакой он не старик, раз седых волос нет. Хотела сказать, но из груди вырвались лишь рыдания.

Инн сбросила руки Яра со своих плеч и побежала прочь из кузницы. Как ей мечталось, чтобы Яр побежал следом, чтобы утешил и сказал, что пошутил так по-дурацки... Она даже оглянулась, но никого на широкой деревенской улице не было.

2

Высоко взмывают качели – простая досочка на двух пеньковых верёвках – и летят обратно вниз. Только сидит на них уже не потешная малышка, а ладная девушка. Вместо пары белёсых косичек, тощих, точно мышинные хвостики, – русая коса толщиной с запястье. И когда его Беляночка успела так вырасти?

Яр всё думал, что станет Инн взрослой и тут же его забудет, а она знай прибегала, сидела, как и раньше, в жаркой кузнице. Он даже её качели детские не снял – рука не поднялась. Когда ещё их привязал? А Инн по-прежнему просит Яра раскачать её посильнее, так, чтобы надулся парусом подол с синей вышивкой, чтобы опасно закрипела ветка старого дуба.

– А ты слышал, что к нам княжич приезжает охотиться

в волшебном лесу? Вот охмурю его, выйду замуж и уеду, если качать сильнее не будешь!

Инн, как маленькая, скорчила рожицу, когда пролетала мимо Яра. Он усмехнулся, покачал головой. А ведь может его Беляночка. Даже и княжич таких красавиц не видел. Что ей стоит лишний раз улыбнуться? Другие и без улыбки повлюблились, только сама Инн на них не смотрела.

Яр толкнул качели так сильно, что девушка звонко вскрикнула.

– Как бы лес сам за ним не поохотился.

В деревне каждый знал, что из лесной чащи можно взять лишь то, что та сама предложит. Вот здесь морошку собирай, тут сухостой руби, а решишь похозяйничать – духи быстро наглеца отвадят. Хорошо, если живым уйдёшь. Яру тогда, считай, повезло...

Инн вдруг резко остановила качели, помолчала, а потом спросила:

– Он никогда ничего тебе не говорит? Наш лес.

Яр насторожился, взглянул в лицо Беляночки – нет, не дразнит его. Серьёзная, задумчивая, будто прямо сейчас далёкий шёпот слышит.

– И давно он с тобой... разговаривает?

– Давно...

С самим Яром лес говорил только однажды, но так, что он на всю жизнь запомнил. Это случилось той самой зимой, когда он нашёл маленькую Инн. Собирал хворост и вдруг

заметил что-то тёмное на снегу. Только шагнул в ту сторону, как еловые лапы опустились ниже, будто хотели спрятать находку от чужого взгляда. Знал ведь Яр, что нельзя лесу перечить, но чутьё повело, заставило пробиться через колючую завесу. Глянул, а в сугробе ребёнок клубочком свернулся, на ресницах иней, пар изо рта едва-едва поднимается. Яр признал соседскую девочку, обернул своим тулупом, поднял на руки и понёс домой. Вот тогда с ним лес и заговорил.

Кто-то каркнул прямо за спиной: «Кузнец!» Яр оглянулся, а позади ель близко-близко стоит, ветви развела, будто вот-вот схватит и задушит. А потом со всех сторон его начали кликать разными голосами. То уханьем совы – посреди дня-то! – то хрустом снежного наста. Яр прижал девочку крепче к груди и вдруг отчётливо так услышал: «Оставь её нам. Оставь, оставь, оставь». Но разве какой человек, даже с самым маленьким трусливым сердцем, оставит ребёнка в лесу замерзать? Вот и Яр не оставил.

Как выбрался из леса – не помнил, только засел в груди стылый ужас. И знание, что никогда, даже в разгар дня, когда духи не так сильны и позволяют людям ходить по своим владениям, нельзя ему ступать в волшебный лес, иначе там и сгинет.

А теперь лес этот с его Беляночкой говорит. Не забыл, значит... И чего она тогда, дурочка, польстилась на соседскую рябину? Рассказывала потом, как забралась на чужой двор, как пёс сорвался с цепи, как погнал её до самого леса. Заплу-

тала Инн и уснула в заметённом снегом гнёздышке из торчащих наружу еловых корней.

Весной Яр у своего дома посадил молодую рябинку, чтобы девочка больше к соседям не лазала.

– Да не то чтобы и говорит лес со мной, – прервала его воспоминания Инн, – а так, картинки показывает, или посылает ветер петь песни за окном. Я как-то раз спросила у тётки, а та ничего не слышала. Вот подумала, может ты...

– Нет, – Яр мотнул головой.

Не по душе ему было, что лес тянет лапы в деревню, лучше бы и не слышать от Беляночки таких рассказов. Но всё равно спросил:

– Что же ему от тебя нужно?

– Не знаю. То зовёт, а то какие-то истории рассказывает, наврODE сказок. К утру забываются все, кроме одной. В ней девочка ведёт по лесу медведя. Приходят они к раскидистой рябинке, которая стоит одна аккурат посередине широкой поляны. Девочка прямо из медвежьей пасти достает рябиновые ягодки по штуке и знай себе смеётся. Когда набирает полную горсть, подбрасывает вверх, а перед ней и не медведь уже, а кто – не помню...

– Чудная история... Ты его, Беляночка, не слушай. Не к добру это, когда с тобой духи говорят.

Сказал вроде бы правдиво, а будто соврал. Но уж больно стало боязно, что лес его девочку заберёт. В первый раз Яр её отвоевал по случайности, так теперь духи пробуют хитро-

стью и лаской приманить. А если им удастся, что тогда Яр будет делать? Бедовая его голова... Всё равно ведь при себе не удержит, да и нечего юной красавице водиться с тем, кто ей в отцы годится, но и лесу нельзя Белянку отдавать.

– Я только тётушку да тебя слушаю, – улыбнулась Инн.

– Вот и умница.

Яр снова толкнул качели, будто было в них волшебство сильнее, чем во всём волшебном лесу – пока Инн на них качается, остаётся его Беляночкой.

3

День, в который приехал княжич Миросвет, выдался погожим, самое оно, чтобы косить траву да ворошить сено. Но деревенские побросали все дела, оделись понаряднее и с самого утра собрались на околице, чтобы встретить гостя чин по чину.

Инн поначалу идти отказалась, но тётушка очень уж распереживалась: как же это, княжича да не уважить! Чтобы её не расстраивать, Инн надела синий сарафан, самый лучший, который прежде ни разу не доставала из короба, и пошла.

Будь воля Инн, она бы осталась да поработала. Сейчас детские дни, полные обиды на тётушку и попыток сбежать от домашних дел, вспоминались со стыдом. Только став постарше, Инн поняла, как непросто приходилось тётушке и до чего доброе у неё сердце. Она ведь осталась вдовицей

с кучей малых сыновей, ни один из которых не мог поднять плуг, но осиротевшую племянницу взять в семью не отказалась. Теперь, когда двоюродные братья Инн превратились в крепких парней, тётушке не приходилось рвать жилы, чтобы всех прокормить. Но помочь ей всё равно хотелось.

Воспоминания прервались, когда Инн встала в ряд с остальными деревенскими, высыпавшими встретить княжича. Со всех сторон слышались пересуды: какой он, этот Миросвет?

Княжич не заставил долго ждать. Вереница ладных лошадок с всадниками подлетела к околице, Миросвет спешил, преломил хлеб, поблагодарил за встречу. Он оказался светловолосым и улыбочивым, но главным было то, как княжич себя нёс. Переодень такого в простую рубаху, дай в руки серп – всё одно с простым парнем не спутаешь. Так величаво наклонял голову, так поводил плечами, что Инн аж залюбовалась.

Она так бы и рассматривала княжича, если б не увидела собак. Оказывается, на охоту Миросвет взял псов, да таких, что и медведя испугать могут. Серые, высокие, они молча кружили вокруг подоспевшего пса, тянули носами воздух, повернув злые морды к лесу.

– Тётушка, дозвожь уйти, – попросила Инн не своим голосом.

– Иди, иди, голубка.

Все в деревне знали, что Инн любит рябиновые ягоды.

И все знали, что она до смерти боится собак.

В ночь после приезда Миросвета Инн видела странные сны. А наутро ей показалось, что сорочка на спине пропитана чем-то холодным и липким. Потрогала – нет, сухая.

Проснулась она ещё до света, и, чтобы смыть дурной сон, решила пойти на пруд да искупаться. Но вода оказалась холодновата, и Инн просто приподняла подол, села на мостки и стала болтать ногами в пруду, омывая их до колен.

Запели петухи, над лесом раскраснелась полоска зари, и на её фоне взвился вверх дымок из кузни. Вот бы Яр сейчас был не там, у мехов, а здесь, рядышком с Инн...

Что-то хрустнуло в кустах, отзываясь на её мысли. Она вскочила, оправила подол. Неужто кто из неудавшихся уха-жёров вздумал подглядывать? Инн аж кровь бросилась в лицо, захотелось убежать от стыда. Но она набралась смелости:

– А ну, выходи!

Никто перед ней не показался, и в голове мелькнуло: «Может, зверьё просто?» Только вот не бывает у зверья такого чистого бархатного голоса, какой послышался вдруг из-под шатра ивовых веток:

– Правду говорят, что у вас тут чудеса на каждом шагу.

Инн испугалась бы, наверное, не так сильно, если б за кустами оказался медведь или волк. Зверья бояться стоит меньше, чем незнакомца из свиты княжича, который подглядывает за девушкой на пруду.

– Не дрожи так, не обижу, – снова заговорили ивовые вет-

ки. – Если покажусь, не будешь бояться?

– Я и так не боюсь! – соврала Инн, и голос её прыгнул вверх, как зайчишка.

– То-то я вижу, как у тебя от смелости щёки зарделись.

– Дразнишься? – робко улыбнулась Инн.

– Дразнюсь, – послышался шутливый ответ. – И показываться я передумал. Не увидишь, пока имя своё не назовёшь.

– Инн! – тут же крикнула она.

– Прости, красавица, обманул я тебя. Всё равно не покажусь. Больно мне нравится тебя подзадоривать.

– Как знаешь, – ответила Инн, хотя любопытство так и распирало. – Пора мне. А ты не подглядывай больше, нехорошо это.

– Никак удержаться не мог, уж больно белые у тебя ножки.

Ивовые ветви дрогнули – вот-вот кто-то из-за них появится, но тут же снова бессильно повисли. Будто тронул их незнакомец, да тут же передумал, отпустил.

– Ещё свидимся, красавица Инн.

Она развернулась и побежала прочь. «Белые у тебя ножки», – крутились стыдные слова в голове. Даже мысли у Инн не возникло, чтобы дать круг, спрятаться рядом с ивами да посмотреть, кто из-за них выйдет.

Следующие дни она не вылезала со двора. Подруги зовут вечером песни петь – не идёт, у костра посидеть – не идёт. А ну как тот, с пруда, будет среди деревенских смотреть на Инн, дружкам пересказывать всё да потешаться? Лишь

когда тётушка попросила добежать до кузницы, отнести Яру молока в благодарность за то, что плуг починил, Инн ушла из дома.

А когда вернулась, не поверила глазам. Во дворе на карауле стояли дружинники княжича, у калитки – воз, укрытый рогожей. Зашла в дом, а там все лавки завалены тканями, лентами, шубами, за столом сидит сам Миросвет, а тётушка его чаем с медком потчует. Инн положила ему поясной поклон и глянула на тётушку, что та скажет делать: баранок с маком принести или с глаз долой убраться.

– Присаживайся, голубка – сказала тётушка.

Инн сделала шаг и остановилась. Как можно ей за один стол с княжичем? Да и зачем?

– Не дрожи так, не обижу, – светло улыбнулся Миросвет.

Инн проделала оставшиеся до стола шаги и опустилась на табурет, чтобы не упасть. Вот тебе и дружинник. Что хоть княжич мог поутру на пруду делать? Но ведь не спросить при тётушке. Инн опустила взгляд и промолчала.

– Ты прости, красавица, что подшутил над тобой, – заговорил княжич, глядя на Инн так ласково, будто гладил. – Полюбила ты мне, едва увидел, но разве стала бы ты так бойко со мной говорить, зная, кто в кустах прячется? А теперь я для себя решил, что без тебя домой не ворочусь. Мы с тётушкой твоей уже всё порешили: здесь в деревне свадьбу сыграем, привезу с собой к отцу не просто любимую, а законную жену. Станешь ножки мыть не в пруду, а в серебря-

ных тазах.

– Ты прости мою дерзость, княжич, – заговорила Инн, украдкой глянув на Миросвета, – но разве можно без родительского благословения свадьбу играть? Да и что из меня, деревенской девушки, за жена для княжича?

– Не нужно мне ничьё благословение, чтобы разглядеть свою судьбу. И тебе не нужно, только слово своё скажи – будешь не то что княгиня, царица. Моя, ненаглядная.

Так он это говорил, что у Инн в груди растеплелось.

– Не вышло у тебя охоты, да? – спросила она и взглянула прямо в лицо Миросвету. От этого взгляда он словно зажёгся, заискрился, улыбаясь широко и искренне.

– Главное чудо я увидел и изловил. Но княжич я или не княжич, если своё слово держать не буду? Обещался в лесу поохотиться и дичь добыть, значит исполню. А захочешь, так тебе диковинного зверя в подарок на свадьбу добуду.

– Наш лес волшебный, да ты и сам знаешь, – осторожно начала Инн. – Но чудеса в нём бывают и недобрые. Если кто бьёт зверя в лесу, духи сторицей отплатят смертями. И ты можешь ног не унести, и деревня потом страдать будет. Коли говоришь, что хочешь женой меня сделать, так послушай совета – не охоться. Никто не подумает, что ты не держишь слово, зато все увидят, как ты мудр, что есть в тебе смелость переменить собственное решение.

– Не могу отказать своей невесте в первой же её просьбе, – сказал Миросвет и посмотрел на Инн так, будто от одной

его воли все из избы разом исчезли, оставив их наедине. – Проводишь до крыльца?

– Провожу.

Миросвет поднялся, и Инн встала из-за стола. Через сени прошли молча, но она так и чувствовала его взгляд. Тёплый, точно наброшенный на плечи пуховый платок. На крыльце Миросвет лишь легонько коснулся пальцами её щеки.

– Я же говорил, что свидимся. Ни за что теперь тебя не отпущу.

– Даже если откажусь за тебя пойти?

– Тогда буду возить в твой дом подарки, пока изба по брёвнышку не рассыпется, а тебе о любви говорить, пока не смилуешься.

Инн распрощалась с Миросветом. Вернулась в избу. Тётушка сияла ярче отполированного серебряного блюда. Но прежде, чем она успела вымолвить хоть слово, Инн бросилась к ней и разрыдалась.

– Ты что, ты что, голубка? Он тебя обидел?

– Нет. Он хороший. Только тётушка, милая, я Яра люблю!

– Час от часу не легче. Ну, ну, хватит реветь. Ты подумай сама, Яр мужик хороший, да для тебя староват, двадцать зим – разница немалая. Случись так, что помрёт раньше тебя, кто детей кормить будет? Уж поверь, вдовой остаться – доля горькая. А что до любви... И он, конечно, тебя любит, да только как дочку. Не то что Миросвет. Да и правильно ты сказала, что хороший парень. Ещё и княжич. Он ведь мог бы

охмурить тебя да и бросить, ан нет, замуж зовёт. Неужто ты думаешь, что с ним не будешь счастлива?

– Я не знаю, тётушка.

– Будешь, конечно, будешь. Ты иди, поспи, голубка, в новый день и мысли приходят новые. – Тётушка помолчала и строго добавила: – И вот что, не ходи теперь в кузницу. Это все наши знают, что Яр мужик порядочный и какая у вас история, а вот кто из княжеской свиты увидит, как ты у него вьёшься, может слух плохой пустить. Поняла меня?

Инн вытерла слёзы, кивнула. Всю ночь вспоминалась ей то улыбка Миросвета, то злосчастный миг, когда она попросила Яра жениться на ней. Второй раз на такое Инн бы не решилась. А сам Яр, как и сказала тётушка, смотрел всё теми же глазами, что видели малявку, у которой нос не дорос. Сколько ни реви, ничего меж ними не изменится.

На следующее утро сватам княжича дали ответ: свадьбе быть.

4

Хороший был топор, острый, Яр сам его накануне наточил. Негоже использовать такой не по делу, но раз уж решился... Подошёл к старому дубу и рубанул сначала одну верёвку, затем вторую. Качельки упали в примятую траву. Ножками Инн примятую.

Яр поднял голову – концы верёвок болтались на тол-

стой ветке, будто только что сняли с неё двоих висельников. И жалко вроде, но уж больно горько смотреть на качели, которые теперь если и взлетят, то только от ветра. Ох, Беляночка.

Наверное, Яр был одним во всей деревне, кто сегодня не пошёл гулять на свадьбе княжича. Даже хворые с кроватей поднялись ради невиданного зрелища да богатого угощения. А ещё – ради счастливицы Инн, которую никогда больше не увидят.

Боялся Яр, что её к себе лес заберёт, а оказалось, что беда-разлука пришла не с той стороны. Ему бы напиться до забытья, только уж так повелось, что Яр не охоч был до горькой. А ещё бы – порадоваться. Искренне, от сердца, ведь его девочка нашла счастье. Не сам ли он думал, что даже княжич её красоте покорится? Ходить теперь Беляночке в шелках и жемчужных бусах, в мехах, что не дадут зимой замёрзнуть вернее кузнечьего тулупа. Надо бы порадоваться, а что-то не радовалось. Разве возможно это для мужчины, чья любимая за другого выходит?

Любимая? Любимая.

Не дочка, не маленькая подружка, не дававшая скучать в кузнице. А родная, милая, ненаглядная. Чужая невеста.

Яр чуть было и рябинку не срубил, да одумался. Может в какую-нибудь из зим молодая княгиня вернётся тётушку проведать и его, Яра, вспомнит. А он гроздью ягод угостит.

Тем временем солнце, ещё недавно красившее небо лишь

кротким румянцем зари, целиком выплыло из-за восточного края горизонта. Значит, всё. Свершилось. Стала Беляночка женой княжича Миросвета.

Яр вернулся в дом, оставив дверь настежь раскрытой. Сел на высокий табурет, на котором всегда сидела Инн. И уронил голову на раскрытые ладони. Он всё ждал, когда послышатся песни, но вместо отдалённых звуков гуляния раздался хлопок двери его дома. Яр встал из-за стола, обернулся и увидел облако белой ткани, метнувшееся ему навстречу, а в следующее мгновение – лицо Инн напротив своего лица. Она встала на носочки и поцеловала его, совсем без умения, но с таким жаром, какого Яру не доводилось и в кузне испытывать. А потом разрыдалась.

– Беляночка моя...

Яр сжал её лицо ладонями, большими пальцами принялся стирать слёзы, да только без толку. Те всё бежали и бежали, а он гладил и гладил девичьи щёки, никак не верил, что Инн перед ним настоящая. Так бы и сцеловать слезинку, узнать: солёная?

– Что же ты? Как же?..

– Сбежала, – всхлипнула Инн. – Все так суетились, что на минутку даже про меня забыли. А я не могу... Я ведь только тебя...

Инн прижалась к Яру, обвила его руками так, будто сказала: «И отдирать станешь – не отдерёшь». Не знала, глупенькая, что он и не станет, что ничего на свете так не желает,

как держать её в объятиях. Тоненькую, нежную, его, только его Беляночку.

– Что же ты наделала, – прошептал вроде и укор, а вышло одно – ласка. – Родная моя, любимая ты дурочка.

– Что теперь будет, Яр, что будет... – Инн спрятала лицо у него на груди, вцепилась пальцами в рубаху.

«Беда будет». Да только вслух не сказал. Разве есть теперь какая сила, чтобы заставила Яра Беляночку свою оставить? Пусть княжич лютует, пусть в деревне об опороченной девке судачат – справятся, переживут.

– Вот что... – Яр коснулся губами её макушки. – Ты ведь пойдёшь за меня, Беляночка?

Инн кивнула, перестала всхлипывать, готовая довериться всему, что Яр сейчас скажет.

– Пойдём сейчас к твоей тетушке, благословения испросим. Чем дольше ты у меня прячешься, тем больше разговоров среди людей. А княжич... Как приехал, так и уедет. Забудется. Не бойся, я тебя в обиду не дам.

Так и отправились: Инн, как была – в подвенечном платье, Яр – в ненарядной рубахе. И хоть разговор предстоял тяжёлый, а дни впереди – нелёгкие, радость звенела в душе серебряным колокольчиком. Если бы спросила сейчас Инн снова, как в детстве, почему у него жены нет, ответил бы, что её ждал. И Беляночка ещё теснее, ещё доверчивей прижалась к Яру, будто мысли их переплелись так же крепко, как пальцы соединённых рук.

– Яр, ты качели повесь обратно, – попросила она. – И мне пригодится, и деткам нашим.

– Повешу, Беляночка, повешу.

За калитку своего дома Инн вошла вслед за Яром ни жива ни мертва, он аж почувствовал, как похолодели её пальцы. Во дворе, прямо на грядках с цветами, топтались дружинники князя и рыскали волкодавы, которых тот привёз для охоты. На Яра и Инн обрушились такие взгляды, которые могут череп расколоть вернее кузнечного молота. Но дорогу им никто не заступил.

В просторной горнице было не продохнуть – так много в неё набилось народа. Прижавшись спиной к стенке, стояла тётушка, одетая в праздничное, белая, как полотно. Двоюродных братьев Инн теснили по углам дюжие дружинники. А за столом сидел княжич Миросвет.

– Вот уж не думал, что ты так оскорбишь меня, – тяжело уронил он, подымаясь. – Поначалу решил, будто юная просто, напугалась и сама не ведала, что творишь. Надеялся, что верну, успокою. А ты, оказывается, вот какая. К другому сбежала. Да к кому! Опозорить меня решила? Светлого княжича Миросвета на простого мужика сменять? Я ведь ради тебя против воли отца готов был пойти.

Яр разве что не зарычал. И не потому, что о нём говорили, как о босяке недостойном. Сам знал, что, быть может, вправду не годится для красавицы Инн. А потому что от слов княжича его Беляночка задрожала, как травинка.

– За неё теперь я в ответе, – Яр шагнул вперёд, расправил плечи, будто мог ими закрыть любимую от гнева Миросвета.

А тот только бровью повёл. И хватило: двое дружинников, точно натасканные псы, метнулись к Яру и сгребли под локти. Уж сколько в руках Яра, которым покорялось железо, было силы, но даже им с хваткой княжьих молодцев не вышло справиться.

– И ты ответишь, а как же.

Княжич едва ли взглянул на Яра, будто тот был досадным камешком на дороге. По-настоящему смотрел он только на Инн. Будто хотел спалить её на месте или, наоборот, в лёд обратить. Всё одно Яр почувствовал беду.

Дёрнулся в руках дружинников, гаркнул:

– Беги! Беги прочь, Белянка!

Инн послушно отступила назад, но вдруг мотнула головой, сделала два шага к Миросвету.

– Ты не зря злишься, светлый княжич, глупой я оказалась: только надев подвенечное платье, поняла, что не смогу ни себя, ни тебя обманывать. Затуманили мне голову и очи твои светлые, и слова твои ласковые, как тут было отказать... Да только сердце-то не обманешь. Плохо я поступила, что на разговор тебя не вызвала, но хоть сейчас скажу: нам обоим врозь лучше будет. Люблю я Яра. Прости нас, светлый княжич, доброю своей душой.

Может и была его душа доброй, да только не разглядеть её было из-под сведённых бровей и лёгшей на лицо тени. И ко-

гда только успел он оказаться возле Беляночки? Когда замахнулся? Яр увидел только, как мотнулась голова Инн от хлёсткой пощёчины.

Никакая сила больше не могла держать. Яр взревел, рванулся. Локти врезались в животы дружинников и те грянулись на пол, как подрубленные. Всё равно сколько их ещё. Нельзя им к Белянке, не посмеют!

Инн шатнулась к Яру, прислонилась, вжала голову в плечи – напуганный воробушек с перебитыми крыльями.

– Беги же! – рыкнул он, подтолкнул к выходу.

Инн понеслась прочь из избы, спотыкаясь о подол белого платья. Только это Яр и смог увидеть, а потом в горницу муравьиным роем хлынули дружинники. Яр толкнул одного, другого. Но куда ему одному против шестерых? Навалились, сбили с ног.

«Пустить за ней собак», – услышал приказ княжича прежде, чем кулак дружинника обрушился на висок.

5

«Убежала? Убежала ведь?»

Полуденное солнце резануло глаза, отозвалось болью во всём теле. Даже веки тяжело до конца разнять, а руки и ноги будто телегой переехало. И в ушах шум... Ан нет, не шум. Разговоры тихие, и рыдает кто-то.

Яр сморгнул слепящую пелену с глаз, поднялся на ною-

щих локтях. Как это он во дворе оказался? Видать, выволок кто... А вокруг половина деревни собралась. Нехорошо Яру сделалось. Уж точно не набежало бы столько народу из-за побитого кузнеца.

– ... морды-то все в крови.

И рыдание. Тётка Беляночки в голос воет.

Какие морды?..

Весь туман из головы Яра вышибло разом. Рывком поднялся, забыв, что ноги не держат, бросился к тётке:

– Где? Инн где?

А та только пуще в слёзы. Глотает их, за горло себя держит, будто вот-вот захлебнётся горем. Только сын её старший ответил:

– Нет Инн. В лес от собак побежала, да так и не вернулась. Зато собаки вернулись... А морды все в крови. Княжич забрал их и уехал.

Яр слушал, да не слышал. Будто не про Беляночку это всё. Не бывает такого. Не с живыми, не с любимыми.

А слёзы у тётки Инн настоящие...

Да нет же. Вот она, убегала из избы, тоненькая, беленькая. Поди, в лесу схоронилась, а лес её любит, не даст обидеть.

«и морды все в крови»...

– Нашли? – Яр и сам не заметил, что трясёт брата Беляночки за плечи. Да так вцепился, что на парне того и гляди рубаха лопнет. – Инн нашли?

– Да кто ж теперь в лес пойдёт?

– Я пойду.

– Яр, всем нам горько, а тебе – горше всех. Но в лесу кровь пролилась. Если бы ещё помочь можно было как...

Что он несёт? Будто Белянку уже отпели, будто... Что же за люди такие? Сколько Яр без памяти провалялся, а пойти искать Инн и не подумали.

Никто Яра не остановил, не начал увещевать, когда он бросился к лесу. Верно прочли в его лице, что зашибёт любого, кто попробует не пустить. Только сам лес и мог помешать.

Яр упрямо шагал к грозным соснам, стерёгшим лесную чащу. Что ему сейчас духи, что их запугивания, когда где-то там Беляночка? Пусть загубят, пусть убьют, хоть до окончания веков пусть мучают, только сначала он свою девочку из леса вынесет.

Как много лет назад...

Только кругом теперь не мягкие сугробы по колено, а мох, жгущий глаза ядовитой зеленью. И студёный ветер не лезет в рукава и за ворот. Но уж лучше бы так, чем затхлый стоячий воздух, будто Яр шагнул не в лес, а в древний склеп. Ворона перед самым носом пролетела, мол, не ждут тебя здесь, кузнец, убирайся вон, пока цел.

Яр вскинул лицо к сосновым макушкам, бросил с вызовом:

– Где она?

Деревья качнулись, будто усмехнулись. Да и не ждал Яр,

что лес ему станет помогать. Сам кинулся в чащу – сердце приведёт! Уже раз привело... И что же он, дурак, счастью противился? Пусть и не тогда, когда Инн маленькой несмышлёной просила пожениться, но потом-то? Будто чувств своих не понимал. Сам же себя обманул, запутал. А ведь тогда ничего бы этого не случилось. Не искал бы её то ли живую, то ли мёртвую.

Вдруг Яр заметил, что словно бы не сам идёт, а лес его направляет. Тут деревья сгрудятся, не давая пройти, а там разойдутся, дорогу уступая. Больно уж услужливо, больно напоказ. Жара десятка кузниц не хватило бы, чтобы отогнать холод, пробравшийся в сердце. И не идти нельзя. Лес как издевается... Зачем ведёт, куда?

А потом увидел, куда.

На рыжей хвое лежал снег, а по нему щедро рассыпана алая рябина. Яр подался вперёд. Не снег – белая ткань. Разодранное платье подвенечное. И алое на нём – не рябиновые ягоды.

У Яра ноги стали будто чужими, подкосились, не дали подойти. Упал, руками потянулся к Беляночке. Вдруг она сейчас застонет и тоже к нему пальчики белые протянет. Да только не протянула. Как были они наполовину врыты в землю, так и остались. А спину так собаки объели, что Яр и сам не пожелал бы услышать Белянкин стон.

Да как же это... Неправда, всё неправда! Лесной глумливый морок.

Яр поднялся на четвереньки, точно зверь какой добрался до лежащей ничком Инн. Потянул за плечи, глянул в раскрытые глаза. В них хрустальным льдом вмёрзли ужас и боль, а больше ничего не осталось. Ни любви, ни тепла, ни жизни.

Лечь бы возле Беляночки да помереть тут же. Яр бы и лёг, но никто за ними в лес не придёт. Если уж не вышло дать ей ни мужниной любви, ни детей, так хоть не позволит навечно одной в лесу пропасть.

Укрыть бы, да кроме своей рубахи ничего нет. Яр в неё и завернул, как уж вышло, взял Беляночку на руки – всё такая же невесомая, будто снова пятилетнюю малышку держит. А всё одно нести тяжело. И каждая слеза, что на рубаху-саван падала, казалось, весит не меньше наковальни.

– Наша она! Наша, наша! – разбежались эхом злые шепотки. – Не заберёшь.

Яр стиснул зубы, пальцами в Белянкино тело вцепился. Чужую девочку лесу не отдал, неужто свою, любимую оставит? Двинулся вперёд, через грозно скрипящие сосны, к дому.

Раз – еловая лапа по лицу хлестнула, обожгла колкой хвоей. Другая в глаза метила, да Яр зажмурился. Малинник на пути вырос, и руки будто сами в цепких ветках завязли.

– Не отдам, – прорычал, пробился сквозь малину, топчя кусты сапогами.

Бросился бежать. Всеми правдами и неправдами вынести, вырвать Белянку из лесной пасти.

Корень петлёй выскочил прямо под ноги. Яр запнулся, пролетел вперёд. Чудом только не грянулся о землю, ощерившись клыками из обломанных веток.

А потом Яр вдруг услышал далёкие голоса. Свои, деревенские – сразу понял. Кинулся на звук.

– Сейчас, милая, сейчас, родная. Выберемся, – зашептал, сбивая дыхание.

Вот уже и дымок завиднелся меж стволов. Казалось, ещё верста, не больше, и за соснами покажутся избы. Вот уже, немножко. И тут голоса не ближе стали, а дальше, а потом и вовсе за спиной уже слышались. Впереди же – чаща, да такая дремучая, будто Яр в самое сердце лесное забрался.

Разом стало темно. Не заметил он, пока от хлещущих веток отбивался, как солнце закатилось за зубья сосновых вершук, как сумерки сгустились. Оказался ночью во владениях духов, когда они вступают в полную силу. И лес взглянул на Яра тысячей глаз.

Яр обернулся вокруг себя. Кто к нему выйдет? С кем говорить? Странно, вроде и темно, а всё будто бы видно. Деревья плывут, склоняются к нему, приглядываются. С ветки рыжий кот смотрит – с одной головой на двух туловищах.

Яр не умел говорить с духами, но точно знал, что всем по сердцу почтение. Поклонился в пояс:

– Знаю, лес на меня гневается, гибели моей хочет. Позвольте только Белянку домой к родным вернуть, чтоб похоронили по-человечески. Сам к вам приду, по своей воле, сло-

во даю. Делайте тогда со мной, что хотите.

А лес только засмеялся, глумливо ухнул из дупла филин с заячьими ушами. И ответа уже Яру не надо было, чтоб понять: нет у леса сердца. Ни умолить его, ни разжалобить. Угрожать и вовсе глупо. Что он, кузнец, против духов?

– Наша она, – снова раскатилось вокруг.

Яр крикнул в сердцах:

– Да на что она вам, нелюди?! Мёртвая...

Крикнул, и будто только сейчас признал. Нет больше его Беляночки. Глянул на неё – а она на него в ответ глядит, глядит и улыбается.

– Мёртвая, мёртвая! – заухал филин, и из-под каждой ветки посыпались на Яра хохотки, страсть как весело духам стало.

Яр совсем перестал чувствовать вес Инн, будто под рубашкой только воздух. Беляночка спорхнула с его рук, как голубка, поскакала по соснам, с каждым духом здороваясь, и вернулась. И платье подвенечное на ней целёхонько, и шея, порванная псами, глаже лебяжьей.

– Правда я теперь мёртвая, – сказала она, – но ты не печалься, ни к чему это.

Иллюстрация Людмилы Коноваловой

Иин коснулась холодными устами щеки Яра, а потом положила земной поклон на все четыре стороны.

– Миленькие, отпустите Яра. Не будет мне покоя, если вы его погубите.

Зашумели сосны, забегал по хвоинкам ветер, будто ответ

каждой собирал, влетел в заячье ухо филину, и филин молвил:

– Пусть идёт, сестрица, коли ты за него просишь.

Яр неверяще протянул к Беляночке руки. Из всех лесных издёвок и насмешек эта казалась самой страшной, самой жестокой. Снова духи морочат или правда? Правда она перед ним стоит целёхонькая?

– Иди, Яр-жар, – шепнула Инн, и из её глаз выкатились две льдинки, упали в мох. – Тебе, живому, место среди живых. А я и мёртвая всегда буду тебя любить, останусь твоей вечной невестой, но только в лесу.

– Да куда же я? Если ты здесь, то и для меня нет другого места. Один раз не удержал, неужели второй раз соглашусь с тобой расстаться?

– Просто так тебе в лесу не остаться, – предостерегающе сказала Инн.

То-то у него вспыхивала искрой мысль, как же духи позволили беде случиться, почему не защитили, не спасли. Значит, вот как. Сами Беляночке гибели желали, как той далёкой зимой. Замёрзла бы насмерть – навсегда в лесу духом осталась. Тогда не вышло, так теперь всё равно своего добились.

– Если умереть надо, так я умру. Чтобы с тобой быть, любую смерть приму.

– А если не смерть?

– Всё равно, Беляночка. Что ж ты, дурочка, спрашиваешь.

Инн взяла его за руку, и вокруг посветлело. Повела за собой, и торчливые болотные кочки под её ступнями покрылись ровным серебряным настом, выставшим путь вглубь леса. Разноцветные тени духов ложились на морозную дорожку, и слышалось Яру неодобрительное ворчание, то похожее на скрип двери, то на сорочий стрёкот.

Сосны внезапно прыгнули в стороны, закончился ледяной настил, и Яр увидел поляну, посреди которой раскинула ветви красавица-рябинushка. В разгар лета её резные листья полыхали осенней медью, а промеж них прятались гроздья спелых ягод.

Инн крепко сжала прохладными пальцами ладонь Яра, провела его через поляну до рябины, поклонилась ей.

– Дозволь, сестрица, ягодой угоститься, – попросила она.

По кроне рябины пробежал ветерок, и Яру почудилось, что не ветви шелохнулись, а девица величаво склонила голову. В протянутую руку Инн упала гроздь алых ягод. Беляночка сощипнула их с черешков и поднесла на раскрытой ладони ко рту Яра. Он не стал спрашивать, зачем. Собрал губами рябиновые ягоды и раскусил. Терпко и невозможно сладко. Так вот почему Инн их так любила...

Яр хотел погладить её по щеке, приласкать, но взметнулась вверх не человеческая рука, а звериная лапа. Медвежья. Инн прильнула к ней, зажмурилась, чтобы удержать в глазах слёзы-льдинки.

– Спасибо, сестрица, – поблагодарила рябину Беляночка,

положила руку на загривок Яру и повела прочь, приговаривая: – Бедный ты мой бедный, – приговаривала Инн, – не хотела я для тебя такой участи.

Яр не мог ей ответить словами. Понадеялся лишь, что когда-нибудь она и сама поймёт: нет для него большего счастья, чем быть со своей Беляночкой. А медведем ли, человеком ли – всё едино.

***

С тех пор, как Беляночка и Яр сгнули, зимы рядом с волшебным лесом стали выдаваться такими снежными, что избы заметало по самые крыши. Промеж собой деревенские судачили, что это Белая Инн, вечная невеста, застилает постель своему жениху. Видели её летом, пляшущей на празднике лесных духов в Ночь Костров. Пела она песни задорнее, чем живые девицы, лучистее, чем они, улыбалась молодцам, вот только наутро всегда убегала в лес. Один парень влюбился и погнался за ней, хотел поймать, да только красавицу Инн под сенью сосен встречал медведь. Парнишка потом божился, что глаза у того медведя были человеческие, только никто ему не поверил.

Иллюстрация Людмилы Коноваловой

Вода живая, вода мёртвая

Кира Эхова

Это было одно из наиболее старых зданий во всём городке. Двухэтажное, каменное, строгое, оно испытующе смотрело на пришельца высокими окнами. Так зверь, никогда не видевший человека, смотрит с настороженным любопытством: сделать шаг, понюхать протянутую руку или ощериться, вздыбить шерсть на загривке, пугнуть чужака утробным рыком?

Ивиц смело перешагнул три плоские ступеньки и потрогал одну из беломраморных колонн.

Здание городской библиотеки казалось мёртвым монстром, остовом чудовищного скелета древнего города, проступающим сквозь время. Сквозь жалкие потуги маленькой окраинной деревеньки называться городком. Скелет древних развалин был и в особнячке городского головы, в пересохшем колодце на перекрестье улиц, в солнечных часах в центре площади... Город в городе. Город на городских костях. Городочек, пляшущий на останках городища.

На остов мёртвого чудовища напоззали домишки и избушки, и землянки, похожие на норы. Шалашики и странные лачуги, сложенные из чего-то грязно-жёлтого, гладкого, с острыми краями неровных сколов. Песчаник? Долomit?

Кость?

Пока Ивиц шёл по пыльной улице к библиотеке, на него смотрели. Глазами, окнами, дверьми и ямками-входами. Провожали щупальцами тьмы, выползающей из тени костяных лачуг. Смотрели затылками – ни одна голова не повернулась проводить взглядом чужака. Ивиц тоже смотрел. Иногда из любопытства, а иногда с раздражением: ну глядите! Глядите! И я погляжу.

Смотрел и поражался: ну кто сможет жить в такой норе-землянке?

В памяти услужливо всплыли строки чего-то древнего, вычитанного почти случайно на рассыпающихся в прах страницах. Строки, отдававшие то ли пророчеством, то ли предостережением:

«Коли ты не зверь, то в сырости и темноте долго не протянешь. Кров над головой невзлюбишь, ежели света бела не видишь. Коли ты не зверь...»

Землянки не имели окон. Как, собственно, большая часть лачуг и шалашей.

Ивиц шёл, пока его не накрыла своей тенью громада библиотеки. Гигантский позвонок скелета.

Дверь поддавалась легко, без скрипа, в лицо дохнуло пылью старых свитков. Каблуки гулко стукнули о каменные плиты, взметнулась потревоженная пыль. Любопытные, явные и скрытые взгляды остались там, вовне. В библиотеке царил сон и покой.

Весь первый этаж занимали две большие комнаты, уставленные трухлявыми шкафами. Между комнат – крохотный зал, из которого на второй этаж поднималась лестница.

Ивиц осмотрел обе нижние комнаты. Они оказались под завязку завалены свитками, книгами, фолиантами, табличками. Можно было провести тут вечность, так и не найдя искомого.

Раньше Ивиц любил книги, но с некоторых пор стал испытывать к ним смутную неприязнь. Книги не давали ответов. Все необходимые знания Ивиц добывал по крохам. Выцеживал из преданий, легенд, поверий, баек. Угадывал в предсказаниях Оракула. Конечно, когда в них можно было что-то угадать.

«Там будут монстры», – сказала Оракул в последнюю их встречу. Впервые за всё время сказала внятно, без фальшивых намёков и загадок.

На втором этаже оказалась всего одна комната и выглядела она даже хуже, чем те, что уже видел Ивиц. Тьма здесь была плотнее, чем внизу, а шкафов ещё больше.

Ивиц наугад вытащил с полки одинокий лист пергамента, поднёс к самому лицу. Нет, не разобрать – слишком темно. И тут сообразил: окна!

Кое-как пробравшись меж шкафов к противоположной стене, нащупал резную поверхность внутреннего ставня, прикрывавшего окно. Щёлкнул задвижкой...

– Только не настезь, Творца ради! – мягко сказали справа

и откуда-то сверху.

Ивиц дёрнулся, отпрянул к стене. В виски ударила боль, неожиданная, тяжёлая. Ну почему именно сейчас?! С трудом вытянув руку, он вновь нащупал ставень. Если резко потянуть на себя... Сердце часто билось в груди, и так же часто билась боль в висках. Кто может прятаться в тёмной комнате, не желая света?

«...не взлюбишь, ежели света бела не видишь. Коли ты не...»

– Ну, в самом деле, не стоит! – настойчиво повторил голос. – Только щёлочку скромную.

Ивиц напряжённо вглядывался в темноту. Справа на шкафу развернулось и перетекло вниз нечто бледное, принятое им вначале за груду свитков. Силуэт казался невысоким и тонким, человеческим. То ли женским, то ли детским.

– Ну же, не упрямытесь! Я вас не съем, даю слово.

В тишине почудилось сдавленное покашливание или тихий смешок.

Ивиц, наконец, решил приоткрыть ставень. Сквозь образовавшуюся щель в комнату брызнул мутный дневной свет. Боль вновь грохнула в виски, как молот о наковальню. Но Ивиц заставил себя не зажмуриться. И разглядел рядом тонкую, даже чахлую фигуру юноши.

– Вы пришли за картой, не так ли? – Молодой человек растянул бескровные губы в улыбке. – Ну что же, идёмте.

Фигура повернулась и растворилась меж шкафами.

Карта... Значит, она действительно существует.

И Ивиц без дальнейших раздумий последовал за странным юношей. Тот двигался плавно, словно по невидимой нити, натянутой между полками, и длинные его волосы были совершенно белыми. Нет, седыми. И лёгкими, как паутина. Ивицу вспомнился паук, которого он обнаружил когда-то давно у себя в каморе. У паука было маленькое тельце и невероятно длинные суставчатые лапы. И ещё он был белым. Нет, седым. Абсолютно седым и неподвижным. Ивиц сначала решил, что паук мёртв, что над дверью болтается высохшее тельце. Но едва протянул руку, чтобы его смахнуть, как паук с удивительной лёгкостью заскользил прочь. Ивиц поразился – ему никогда прежде не приходилось видеть седого паука.

Проводник остановился неожиданно, и Ивиц, увлечённый воспоминанием, едва на него не налетел.

Юноша стоял перед большим письменным столом, заваленным всякой дребеденью, и руки его, ловко и проворно сновавшие в поисках карты, впечатлили Ивица куда больше бледности или волос-паутинок. Неестественно длинные пальцы уродовали узловатые старческие суставы. Однако такая странная анатомия нисколько не влияла на подвижность. Руки напоминали двух проворных паучков, которых мама-паучиха отправила на поиски... Чего? Приманки? Обед?

Руки-паучки нашли свою добычу, вцепились в неё

и на миг замерли. Юноша осторожно вытащил из-под груды листков и протянул Ивицу кусок мягкой кожи. Развернув его, Ивиц увидел искусно рисованную чернилами карту. В самом низу на ней можно было разглядеть маленькую кляксу Тильца. А к северу, раскинувшись во всю ширь и, кажется, желая выплеснуться за края карты, лежала дикая земля. Древняя земля. Вытопь. Болотистая неприветливая глушь, где-то в глубине которой, если верить старым преданиям, жили монстры. Самые первые Его создания. Первенцы Творца.

Из Тильца тонким замысловатым росчерком вилась-петляла нитка дороги. Огибала болотца и непроходимые дебри; странные, отмеченные крестиками места, которые Ивиц принял бы за погосты, но... Какие погосты в Вытопи?

Память опять услужливо подсунула предостережение Оракула: «Там будут монстры».

А дорога всё петляла и петляла, и обрывалась, не дойдя до кромки карты. В том месте рука мастера изобразила схематический ручей или родник.

Ивиц заставил себя оторвать взгляд от загадочных крестиков.

– Карта довольно новая, – растерянно пробормотал он.

Юноша радостно закивал.

– Само собой! Знаете... Вытопь – изменчивое место. Непредсказуемое и с характером. Так что карту приходится периодически менять, уточнять некоторые моменты.

– Вы бывали ТАМ сами? – недоверчиво спросил Ивиц.

– Не совсем, – уклончиво ответил его собеседник, – мало кому суждено дойти до источника. Да и не всем это нужно. Например, мне. – Паукообразный юноша изобразил хищную улыбку. – Но вы можете попытаться. Более того... Я думаю, кто-нибудь из местных будет рад составить вам компанию.

Ивиц чуть заметно нахмурился. Он был не вполне уверен, что хочет чьей-либо компании в своём маленьком путешествии. Юноша же продолжал настаивать:

– Вы не сможете пройти Вытопь только с картой, вам нужен проводник. Местный. Отсюда, из Тильца...

Речь говорившего неожиданно прервало голодное завывание его желудка. Бросив на визитёра короткий взгляд, бледный отрок потупился.

– Простите, – обитатель библиотеки послал Ивицу извиняющуюся улыбку, – я слишком давно не ел.

Липкие пальцы страха, не добравшиеся раньше до оглушённого болью Ивица, нырнули за ворот куртки. Пробежали по шее. Пошевелили короткие волоски на затылке. В библиотеке разом стало неуютно.

Ивиц отступил на шаг, зажав в руке карту. Ведь не может же случиться так, что в обеденное меню этого... этого... мог бы войти...

На бледном лице юноши залегли хищные тени.

Седой паук замер в неподвижности над дверью кладовой. Беспечная моль кружила рядом с паутиной.

– Я, наверное, пойду, – выдавил Ивиц.

Он сделал ещё шаг назад, наткнувшись спиной на угол шкафа. И тут нервы, наконец, не выдержали.

Скорей отсюда! Прочь! Прочь из паучьего логова!

Ивиц летел наугад, вздымая кучи пыли и палых бумажных листьев, сквозь книжный лес. Прочь из чащи! Там проснулся голодный паук.

Вдогонку Ивицу нёсся тихий то ли смешок, то ли кашель. И когда беглец выскочил сквозь узкий проём на лестницу и скатился на первый этаж, за ним всё ещё тянулась паутина шёпота:

– Коли ты не зверь... Коли ты не зверь!

С облегчением вывалившись на мраморные ступени, Ивиц пинком захлопнул дверь в библиотеку и только тогда позволил себе перевести дух.

На ступенях его ждали.

Прямо на холодном мраморе, прислонившись спиной к колонне, сидела девушка. Маленькая и серьёзная. Монохромная. Чёрное платье на белом мраморе, чёрные глаза на белом лице, чёрные волосы на белых плечах. В отличие от недавнего жуткого знакомца из библиотеки, она не была бледной, просто белой – каким бывает брюшко ужа. И чёрной, блестящей – как его спина.

– Вы идёте в Вытопь и вам нужен проводник, – сказала девушка. – Я могу вас провести.

Ивиц, по венам которого ещё тёк азарт побега, громко

фыркнул.

– И монстры Вытопи вкусно пообедают не только мной, но и вами.

Девушка посмотрела на него очень внимательно.

– Мне не нужна защита. Более того, я уверена, что смогу обеспечить её вам. По крайней мере, первое время.

Смерив незнакомку недоверчивым взглядом, Ивиц пожал плечами.

– У меня есть карта, – просто ответил он. И тут же ощутил укол сомнения.

Быть может, побег из библиотеки – неразумный поступок? Стоило подавить страх и остаться, поискать ещё самому. Что сделал бы ему тот чахлый юнец? Уж, наверное, не съел бы. А вот подсунуть лже-карту мог. Другой вопрос – зачем?

Хотя была же такая легенда – жители маленького городка на границе с Вытопью время от времени приносили человеческую жертву монстрам Древней земли, чтобы задобрить их. Конечно, отдавать на съедение своих родных никому не хотелось, и местные придумали хитрый способ умиловить чудовищ. Они составляли карты. Карты для храбрецов, желавших попытать своё счастье и найти драгоценное сердце Вытопи – живой источник. Путники шли по отмеченной тропе, но вместо источника находили логово голодного зверя.

Конечно, это была только легенда. К тому же, Ивиц сильно

сомневался, что жители городка знали в подробностях, где прячутся чудовища.

Однако больше всего Ивица смущало, что все сведения, которые ему удалось добыть из книг, легенд и невнятных слухов, рассказывали об одном: о людях, ушедших в поисках чудесного источника. Но не было сказано либо написано ни словечка о тех, кто его нашёл и вернулся.

Погоня за призраком.

Виски тронули отголоски знакомой боли, и Ивиц беспомощно привалился к колонне.

– Соглашайтесь! – подтолкнул его голос монохромной девушки.

– Я подумаю, – вяло отозвался Ивиц и побрёл от библиотеки прочь.

xxx

Остаток вечера и ночь он провёл на местном постоялом дворе, где оказался единственным гостем.

В голове Ивица блуждали безрадостные мысли.

Доверять безоговорочно карте он не мог. Соглашаться на монохромную девушку-проводника отчаянно не хотелось.

К тому же...

«Там будут монстры».

Слова намертво засели в памяти, не давали покоя. О мон-

страх говорила не только Оракул, старые легенды об источнике все как одна твердили, что его стережёт чудище, зверь, нелюдь.

В самом деле! Почему бы источник с живой водой, дарующий исцеление и облегчение, не стеречь кому-нибудь? Если он вообще существует, этот источник.

Ивиц не мог себе позволить сомневаться.

Свой дом, а вернее место, последний раз бывшее его домом, Ивиц покинул тихо, прихватив с собой только самое необходимое. Не раз и не два его посещала мысль нанять себе в попутчики дюжего вояку, который умеет махать острыми предметами гораздо лучше, чем думать. Останавливала стеснённость в средствах. И нежелание доверять кому-то тайну своего похода. Она раскрылась бы рано или поздно, так или иначе. Но, пожалуй, если уж и нанимать кого-нибудь, то в Тильце. Местные знают хотя бы ближнюю Вытопь. Кого-нибудь покрепче да половчее. Если всё-таки нанимать.

Ивиц не рискнул бы никому признаться, но ему было комфортно и даже уютно оставаться один на один со своим маленьким горем. Тихонько жалеть себя и гнаться – безуспешно и бессмысленно – за мифическим спасением.

Ночью, когда Ивиц пытался уснуть, пришла боль. Она перекатывалась в голове раскалённым добела железным шаром и ударяла в виски. Ивиц ронял злые слёзы и беспомощно грыз уголок подушки.

Боль унялась только с рассветом. Неохотно отступила,

признавая право на последний шанс. И Ивиц решил, что ни за что его не упустит.

xxx

Она ждала внизу, подперев плечом деревянную опору на-веса.

– Мне, наверное, не хватит монет оплатить ваши услуги проводника, – честно сказал он.

Девушка смотрела, не моргая. Ивиц вздохнул.

– Ивиц. Хотя вы, наверное, знаете.

– Аспида, – представилась девушка и протянула спутнику пальцы холодные и гладкие, как чешуя змеи.

xxx

Это был очень странный лес. Живой и подвижный. Ивицу чудилось, что он слышит дыхание, ощущает, как вздымается и опадает под ногами жирная земля, словно грудь великана во сне.

Они нырнули в холодный полумрак ещё сонных деревьев, и лес сомкнулся за их спинами. Густо пахла цветущая акация, путая ленивые мысли, окутывая разум сладким дурманом.

Едва приметная вначале тропинка, которой следовали путники, скоро и вовсе сошла на нет. Тем не менее, Аспида

шла вперёд, уверенно выбирая дорогу. И тогда Ивиц порадовался, что девушка отправилась с ним. Вглядываясь на ходу в бесполезную карту, жалел, что сунулся в библиотеку. Наверное, стоило спросить проводника сразу.

К полудню, когда белое око солнца заглянуло в Вытопь сквозь пелену облаков, Ивиц и Аспида набрали на странный камень. Он уходил глубоко в землю и имел черты чудного зверя, сияющего выбраться на поверхность. Аспида мимоходом глянула на камень, обойдя его по большой дуге. Ивиц, не раздумывая, повторил её манёвр.

Через пару десятков шагов они наткнулись ещё на один камень. Он выглядел даже древнее, чем предыдущий, и сплошь порос мхом. Однако и под зелёными наплывами можно было угадать чьи-то диковинные черты.

Дальше камни стали попадаться всё чаще и чаще. Все они напоминали зверей или чудищ. Аспида старалась держаться от камней подальше. Ивицу показалось, что на некоторые из них она смотрит с жалостью, на иные – с отвращением, но даже предположить не мог, с чем это связано.

Вскоре они сделали короткую остановку. Ивиц перекусил прихваченным с собой вяленным мясом и хлебом. Аспида куда-то исчезла. Девушки не было с полчаса, и он решил, что та отправилась разведать дорогу.

Когда Аспида вернулась, они продолжили путь.

Ближе к вечеру из стремительно темнеющих недр леса выполз туман. Он повис меж деревьев рваными клочьями,

протянул щупальца к уставшим путникам. Ивиц теперь хуже различал идущую впереди девушку и опасался потерять её из виду. Саму Аспиду темнота и туман, похоже, ничуть не смущали – она продолжала идти вперёд ровным твёрдым шагом.

Ивиц безумно устал за день пешего перехода. Глаза слипались, висков коснулась уже привычная боль. Дневной свет почти иссяк. В сумке Ивица лежало огниво, и смутная мысль о том, чтобы сделать передышку и организовать себе что-то вроде факела, мелькнула в голове, но тут же пропала. Не было сил остановить механический ритм шага.

Боль наступала, пульсировала в голове. Но усталость оказалась сильнее. Глаза закрывались сами собой. Ивиц моргнул, затем ещё раз – уже медленнее. Он шёл наугад, как слепец, беспомощно вытянув вперёд руку.

Аспиды не было. Ивиц знал, что потерял её, упустил из виду и теперь бредёт совершенно один в темноте, возможно, в лапы к притаившемуся чудовищу. Пару раз казалось, что он видит тёмную прямую спину девушки впереди. Но приближаясь, различал, что спина эта удлиняется, уходит вверх, распускаясь могучей кроной.

Веки набухли и отяжелели. Холодные щупальца тумана забирались за шиворот. Куртка пропиталась влагой, сковывала движения и тянула к земле.

Наконец Ивиц заметил Аспиду. Она стояла посреди небольшой поляны и смотрела вверх – все три головы её бы-

ли запрокинуты к хмурому небу.

Дрожа в промокшей одежде, он ступил на поляну. С каждым шагом тёмный силуэт всё меньше напоминал девушку. Кроме того, Ивиц никак не мог вспомнить, в самом ли деле у неё было три головы. Он подошёл вплотную к тёмной фигуре, и на миг прояснившееся ночное небо пролило свет звёзд на змеиные головы, устремлённые ввысь. На два обломка крыльев, которые силились и не могли поднять тяжёлую драконью тушу.

Ивиц попятился, споткнулся о лапы чудовища.

Кажется, он кричал.

Деревья на краю поляны расступились, из зарослей вышла Аспида. Взгляд её долго блуждал по неподвижному каменному монстру, шаткой фигуре Ивица.

Девушка вздохнула.

– Ну что же... Думаю, остановимся прямо здесь, – это были единственные слова, произнесённые ею за весь день.

Чтобы согреться, они развели небольшой костёр у подножья идола. Вернее, развела Аспида. Ивиц уже был мало на что способен. Вяло прожевав кусок чёрствого хлеба, вытряхнул из сумки короткое шерстяное одеяло и, завернувшись в него, мгновенно уснул.

Его одолевали странные сны. Ивицу чудилось, будто Аспида стоит, прижавшись к трёхглавому змею, маленькие ручки девушки гладят шершавый камень. Аспида шепчет что-то на непонятном наречии и глядит вместе с монстром в небо.

И слёзы, горячие горькие слёзы текут из четырёх пар глаз, оставляя блестящие дорожки на камне и белых щеках.

Видение сменилось новым. Из тьмы ночного леса на Ивица смотрели два огромных огненных глаза. Он не мог понять, кому принадлежат глаза. Казалось, они плывут сами по себе в туманном мареве меж деревьев. Горячие, прожигающие душу насквозь. Глаза чего-то ждали от Ивица. Возможно, какого-то ответа, но он не мог сообразить, каков был вопрос и только сдавленно шептал сквозь сон:

– Я хочу жить.... Я всего лишь хочу жить!

xxx

Рано утром они продолжили путь.

Голодный Ивиц с аппетитом съел свой нехитрый завтрак, гадая, надолго ли хватит запасов. Аспида терпеливо ждала. Она сидела по другую сторону остывших за ночь углей и смотрела в небо. Совсем как каменный идол за её спиной.

К удивлению Ивица, Аспида не ела ничего. Вернее, он не видел, не мог припомнить, чтобы девушка ела. Дорожная сумка её была маленькой и совсем тощей.

Когда Ивиц вежливо предложил Аспиде кусок вяленого мяса с хлебом, девушка взглянула на угощение с брезгливостью и покачала головой.

Второй день странного путешествия мало чем отличался от первого.

Лес вокруг понемногу менялся. Земля становилась более зыбкой, влажной. Местами встречались небольшие разливы, словно поблизости была вышедшая из берегов река. В разливах жизнерадостно пели лягушки, воздух пах болотом.

За день они сделали всего одну остановку, и Ивиц обратил внимание, что Аспида по-прежнему ничего не ест.

К вечеру путники вышли на довольно большую поляну, на краю которой и было решено заночевать.

Аспида вновь развела костёр.

Ивиц жевал засохший хлеб и думал. О странном путешествии, бесполезной карте, жутковатом городке Тильце и лесе, в котором не поют птицы.

xxx

Ему опять снились глаза. Огромные, горящие. Как две гигантские огненные площадки, плывущие над лесом. Глаза пытливо смотрели на Ивица, ловили взгляд и медленно жгли нутро. Ивиц корчился от боли и липкого холодного страха. Страх, как слизняк, заползал в открытый в немом крике рот, проваливался в желудок и там лениво ползал, оставляя за собой склизкий след.

Ивиц вздрогнул и проснулся. С полминуты лежал неподвижно, боясь пошевелиться. Пытаясь понять, что же его разбудило. Вокруг стояла тишина. Лес замер, застыл на вдохе, наострил чуткие уши и смотрел, смотрел во все глаза.

Потому что перед ним собиралась развернуться короткая, но очень кровавая трагедия. Ивиц почувствовал затылком, влажной кожей, чьё-то пристальное внимание. Навязчивое, продиктованное многолетним голодом, обречённостью истощённого безумца, всё ещё способного на последний смертельный рывок.

Ивиц уставился в темноту.

Милостивый Творец! Какая нелепая, чудовищная смерть – стать ужином для обезумевшего монстра. Уж лучше тихо истлеть, выгореть изнутри от неизлечимой болезни, чем так...

Нужно было что-то делать. Всего в нескольких шагах от Ивица, по другую сторону потухшего костра спала девушка. Хрупкая и ещё более беспомощная, чем он сам.

Вскочить, разбудить и... бежать? Нет, на дерево. Или лучше развести огонь? Звери боятся огня...

Но скованное страхом тело не слушалось. Ивиц лежал, намертво прикипев к своей куцей подстилке, боясь шевельнуться или издать звук.

В гремящей, неистовой тишине замершего леса ему чудилось, как вязкая слюна капает с клыков на прошлогоднюю листву. Как часто и ритмично бьётся сердце невидимого монстра, и живот сводит голодной судорогой в предвкушении долгожданной трапезы.

Ивиц зажмурился с тихим всхлипом, признавая себя поверженным без малейшего сопротивления. Съеденным за-

живо. И только отчаянно молил Творца: пусть монстр примется сперва не за него... Ещё несколько, всего пару мгновений никчёмной жизни перед агонией.

На краю сознания Ивица настиг едва различимый шёпот. словно невидимый наблюдатель с любопытством разглядывал сцену предстоящего действия откуда-то издалека. Из темноты ветвей ли, из мрака ли пыльных книжных полок: «Коли ты не зверь... Коли ты не зверь!»

Сзади зашелестело, смачно чавкнула под гигантской лапой раскисшая земля – поддразвиваемый людским страхом зверь вышел из укрытия.

И тут вдруг над Ивицом поднялась тьма. Развернула сложившиеся крылья и бесшумно оттолкнулась от земли.

Лес смотрел, затаив дыхание.

За спиной Ивица пролетела смерть. Пронеслась на мягких крыльях и рухнула, придавила к земле голодного зверя. Навалилась гигантской тушей, сминая, ломая кости, кромсая плоть. Смерть тоже была голодна.

Лес дрогнул, пошатнулся от безумного крика боли и обиды обманутого хищника, который сам стал жертвой.

Потрясённые деревья отползали, выворачивая из земли корни. Отступали от жуткой бойни, услужливо давая смерти место.

И смерть пировала, жадно хрустя костями. Хрипел и стонал поедаемый заживо зверь. А всего в паре десятков шагов от кровавого пиршества корчился на своей подстилке Ивиц,

даваясь страхом и отчаянным желанием жить, теряя рассудок и остатки воли быть человеком, пока разум его не накрыла долгожданная тьма.

xxx

Когда он открыл глаза, было утро. Деревья тихо перешёптывались кронами. Вокруг поляны их как будто стало больше, словно любопытные подтянулись послушать рассказ свидетелей ночного происшествия.

Иллюстрация Адама Шермана

С трудом разогнув затёкшие ноги, Ивиц поднялся, потоптался. Одеревенелые мышцы слушались неохотно. Его неудержимо тянуло посмотреть туда, на другой край поляны. На место сражения двух монстров и останки ночного пир-

шествия. Вместо этого он посмотрел вниз.

По другую сторону остывшего костра на спине, отвернув к лесу голову, лежала Аспида. Ивицу была видна тёмная волна волос, маленькое ухо и белая бескровная щека. Грудь девушки мерно вздымалась и опадала – Аспида спала спокойным тихим сном, которого не коснулось ночная драма.

Ивиц почувствовал облегчение, приправленное отголосками стыда. Как мог он ночью желать смерти Аспиды вперёд своей? Смерти беззащитной спящей девушки?

Липкая паутина отвращения к себе уже давно обернула сердце Ивица. Появилась она вместе со знанием о неизлечимой болезни, которое навалилось невыносимым бременем, изменило почти до неузнаваемости. Ивица тяготило не столько осознание неминуемой и, вероятно, очень скорой смерти, но понимание того, что он уже не вполне жив. Что он ходит – живой мертвец – среди людей. Бродит, бродит выеденная оболочка, распространяя чуть слышный запах тлена и смерти. С виду – человек. А внутри гниль и труха. Но хоть Ивица выворачивало от отвращения к себе, он ничего не мог поделать с единственным глупым желанием. Желанием жить. Во что бы то ни стало. Любой ценой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.